

18+

Валерий Марченко

КАЛИНОВ МОСТ

Валерий Марченко

Калинов мост

«Издательские решения»

Марченко В.

Калинов мост / В. Марченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510317-8

Роман «Калинов мост» посвящён противоречивым и сложным страницам советской истории, связанным с проведением аграрной и национальной политики руководства страны в 30-х годах XX столетия в СССР. Сюжетной линией романа становятся события, связанные с освоением Нарымского края, Томской области, в том числе за счёт спецпереселенцев. Все эти сюжеты тесно переплетены в судьбах многочисленных жителей различных частей страны, которые в условиях политических чисток были брошены в тяжелейшие условия

ISBN 978-5-00-510317-8

© Марченко В.
© Издательские решения

Содержание

Валерий Марченко	6
КАЛИНОВ МОСТ	7
Синопис книги	8
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
– А, если порвут?	31
Глава 4	37
Глава 5	45
І няма такога дня	52
Глава 6	53
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Калинов мост

Валерий Марченко

© Валерий Марченко, 2020

ISBN 978-5-0051-0317-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Марченко

КАЛИНОВ МОСТ

Том первый

«Кто в Нарыме не бывал, тот и горя не видал»

Синопис книги

Название художественно-исторического романа «Калинов мост», безусловно, заимствовано мной из славяно-языческой мифологии как дань русской фольклорной традиции. Олицетворяя полисемическую суть литературного произведения, оно, с моей точки зрения, заостряет внимание читателя на глубинном смысле содержания.

Этимология слова «калинов» восходит к древнерусскому «калить», «разогревать», в нашем случае – миропорядок, сложившийся после октябрьских событий 1917 года в России. А лирико-эпическая фигура речи – «мост», «перекинутый» мною, автором, через вспыхнувшие в итоге противоречия: Добра и Зла, Жизни и Смерти, Белого и Чёрного, Подвига и Предательства, воплощает в жизнь философскую идею продукта творчества, отражающую воззрения персонажей на окружающий мир и самих себя. Им выпало на долю испить горькую чашу жизни до дна.

Являясь частью эпического литературного полотна, роман «Калинов мост» охватывает историю России со второй половины «Золотого века», освещая в действиях персонажей эволюцию событий, предшествующих образованию Союза Советских Социалистических Республик. На это строительство я и взглянул глазами героев изнутри, как в случае с реформами Императора Всероссийского, Царя Польского и Великого князя Финляндского Александра II. Или как с Европой, не успевшей отряхнуться от крови Первой мировой войны, развалившей великие империи в прах, но вскармливавшей новые силы влияния на социалистические завоевания в СССР и захват территорий до самой Индии. Время-то какое было! К власти в Германии рвался, обласканный мировой закулисой, национал-социализм, а к броску на Советский Союз готовился самурайский империализм.

В это же самое время на пространстве от Балтийского моря до Тихого океана строилось БУДУЩЕЕ высшей социальной справедливости. Выступившая застрельщиком в свершении торжества грядущего, Всероссийская коммунистическая партия большевиков, включившись в отработку теории марксизма-ленинизма на практике, объявила советскому народу лозунг повестки дня: «От каждого по способностям, каждому – по труду». Не новая, конечно, мысль... Но, подхватившие её высшие органы руководства партией – XIV и XV съезды ВКП (б), определили стратегию реализации указанием рабочим и крестьянским массам курса на индустриализацию и коллективизацию страны. Отныне в Советском Союзе воплощение идеи «светлого будущего» в жизнь осуществлялось под девизом: «Успехи пятилетки – решительный удар по мировой буржуазии и основа победы социализма в СССР. Да здравствует пятилетка в четыре года!».

Сердца миллионов советских людей устремились в судьбоносное ЗАВТРА! Страна приобрела вид одной большой строительной площадки. И, действительно, в рекордно короткие сроки были введены в строй 1500 промышленных предприятий. Гордостью советского народа стали ДнепрогЭС, Магнитогорский металлургический комбинат, Сталинградский, Челябинский, Харьковский тракторные заводы, Горьковский и Московский автозаводы, комбайновый завод в Ростове – «Ростсельмаш».

Открытие индустриальных гигантов ознаменовалось в экономике страны «Великим переломом», что позволило Политбюро ЦК ВКП (б) провести сверхускоренную модернизацию, перевернув в мировом сознании сложившиеся принципы государственного развития, взявшего на вооружение идеологию будущего. В СССР выросли принципиально совершенные отрасли промышленности: автомобильная, тракторная, авиационная, химическая, выросли станкостроение, сельскохозяйственное машиностроение, чёрная металлургия, угольно-металлургическая база в Кузбассе. Советский Союз вышел на производство азота, искусственного волокна, синтетического каучука. Зарождалась транспортная инфраструктура.

Однако чрезвычайно сложным и тернистым оказался путь превращения СССР из аграрной страны – в индустриальную державу. Создание тяжёлой промышленности и включение крестьянских хозяйств в социалистическую сферу хозяйствования через создание колхозов сопровождалось массовыми репрессиями и переселением граждан советской страны в отдалённые уголки сибирской тайги. Сотни тысяч спецпереселенцев, вырванных из привычной жизни решением политического руководства СССР, осваивали необжитые болота Нарымского края и на собственных костях, в холоде и голоде валили лес, поднимали объекты индустрии, сельского хозяйства. Массовым порядком создавали колхозы.

Шаг за шагом, исследуя историю страны, роман «Калинов мост» на архивно-исследовательской основе обнажает сюжетные линии, реальную жизнь спецпереселенцев, этнических групп коренных народов Сибири, связавших судьбы в строительстве «светлого будущего». Не удивительно, что между ними также перекинут тот самый «калинов мост», на котором схлестнулись силы Добра и Зла. Не всегда благоденствие одерживало верх над тёмными силами лиха и напасти, брало своё и злая горесть. А вот здесь-то героям литературного произведения всегда было поле деятельности проявить себя в подвиге и предательстве, в беде и радости, в достатке и нужде... У каждого был свой запас прочности... Через искалеченные судьбы персонажей открывался путь к преобразованиям в деревне и в стране в целом!

Сплетаясь замысловатой канвой, сюжетные линии романа «Калинов мост» освещают жизнь приграничья Белоруссии, населения Нарымского края, коренных жителей Приобья – селькупов. Они окунают читателя в переломную фазу истории Советского Союза, полную драматизма и человеческих трагедий. Переживания героев, как и искушения, ставили всё на места, закаляя индивидуальное и общественное сознание миллионов советских людей.

Вместе с тем жестокие испытания голодом, морозом, гнусом, жестокой тайгой не сломали народный дух в проведении сплошной коллективизации. Условия массового выселения людей в Сибирь показаны в романе «Калинов мост» на примере людей разных конфессий и национальностей: русских, украинцев, белорусов, евреев и многих других. Однако не все понимали сути происходящего. Что уж говорить о селькупах, также попавших под выселение из родовых мест на Тымские берега таёжной реки?

Не все начинания партии принимались на «ура» советскими и партийными работниками – номенклатурой, в целом, образованной, умеющей читать циркуляры ЦК ВКП (б) «меж строк». Их глазами читателю открывается жизнь страны в перестройке деревни в коллективные хозяйства, ломке привычного уклада жизни. Даётся оценка политики советизации и коренизации, которая проводилась властью в тот период, выражаясь, прежде всего, в создании национально-территориальных автономий, внедрении языков нацменьшинств в делопроизводство, образование, поощрении издания СМИ на местных языках.

В романе глубоко исследован национальный, в том числе – еврейский вопрос в России, СССР. К еврейской истории, подтвердившей истинность от патриарха Иакова до Януша Корчака, от александрийского погрома до Треблинки, от Вавилонского плена до создания государства Израиль и «интифады Аль-Акса», я веду читателя через призму личного видения этой темы и отношения к ней из скрытой части от широкой общественности...

Затронута тема борьбы сторонников Иосифа Сталина с троцкистско-бухаринской группировкой и блоком Каменева-Зиновьева. На остром историческом фоне раскрываются художественные образы, судьбы героев романа.

Через подвиги персонажей, относившимся к бойцам невидимого фронта, читатель соприкоснётся с людьми необычайной профессии – защитниками Родины на дальних подступах к ней. За границей действовали патриоты Отечества, разведчики-нелегалы, отстаивавшие интересы СССР за рубежом.

С особой любовью сделаны мной этнографические зарисовки из жизни остяцкого населения Нарымского края: парабельцы вечером... Парабельцы на ярмарке... Парабельцы на рыб-

ной ловле... Колорит костюма и кухни сибирского народа, «чёканье» как особенность говора... «Перебрасывая» читателя в Белоруссию, «подаю» ему колоритную белорусскую речь героев, отличительные черты быта и жизни населения придвинского края, его культурные традиции. Связь историзма и художественности, конечно же, нашло отражение в стилистике романа. Язык произведения воссоздаёт бытописание народов разных культур и традиций – от белорусских вёсок и местечек, до карамо нарымских селькупов и изб чалдонов, в чём, на мой взгляд, поэтизируется крестьянский уклад жизни. В то же время придаю языку строгость и лаконичность в изложении исторических фактов и реалий того времени, таковыми, какими они видятся мне в замысле романа.

По отношению к героям я старался быть честным: не изобличал их, не хвалил, не показывал своё отношение к ним, тем более, не «давил» оценкой на читателя. Мои герои, зачастую, совершают неожиданные поступки... Это тоже «калинов мост», на котором вечная борьба между здоровым – завтра и усопшим – прошлым...

Полна эмоционального напряжения сцена в романе, когда секретарь Витебского окружного комитета КП (б) Белоруссии Иван Рыжов участвует на заседании «тройки», его самоубийство. Драматичен разговор начальника отдела ГПУ Иохима Шофмана с секретарем Городокского райкома РКП (б) Белоруссии Милентием Акимовым. Аналогичных сцен выписано много. Их роль в романе заключается не в создании психо-мыслительного эффекта для читателя, усиливающего эмоциональную окраску содержания. Ими подчёркивается антагонизм отношений внутри самой номенклатуры по направлениям и ведомствам, формирующегося механизма массовых репрессий.

Разве история о печально известном мосте через реку Смородину, переброшенным между белым и чёрным в жизни советских граждан: русских, белорусов, евреев, остяков, чалдонов не сопрягается с жуткой сценой прибытия на баржах в Парабель первой партии спецпереселенцев? Этой сценой задаётся высокая планка для остальных эпизодов сюжетной линии спецпереселения миллионов людей в отдалённые уголки страны. Среди героев романа много людей с выдающейся судьбой: это и революционеры со стажем – дед Лаврентий, и героиня Первой мировой войны Мария Казначеева, директор ленинградского предприятия Александр Мезенцев, Ефим Михалец – один из руководителей еврейской секции в ЦК КП (б) Белоруссии. А также их гонители: комендант посёлка Кирзавод Фёдор Голещихин, его помощник Пётр Вялов, начальник Парабельского отдела ГПУ Виктор Смирнов – тоже обладатели весьма нетривиальных биографий.

Жизненный опыт явился серьёзным подспорьем в создании образов партийных, советских руководителей, работников органов госбезопасности ОГПУ-НКВД. Остаётся пожелать читателю вдумчивого прочтения материала, он стоит затраченных усилий. Эта сфера истории огромной страны редко подаётся в художественной литературе, ещё реже – людьми, которые реально знают «кухню» номенклатурной работы органов власти...

Однако, *Nihil dat fortuna mancipio* – Судьба ничего не даёт навечно. Крушение Советского Союза в декабре 1991 года изменило миропорядок до неузнаваемости. Ныне набирает силу геополитическая система РОССИЯ. Не удивляйтесь! В неё также встроится герои художественно-исторического романа «Калинов мост» и уже в нынешней ситуации будут биться за системно-исторический и цивилизационный реванш русского народа. Без борьбы нет побед!

Глава 1

Весна в Парабели 1926 года выдалась ладной, погожей. На узких улочках селения вычернился снежный покров уходившей зимы. В огородах журчали ручьи, оголяя стружки смолевых хлыстов, ошкуренных топорами чалдонов. Осел рыхлый снежок, подмытый талой водой, набравшей силу к полудню. Однако, ещё морозило, лужи хватало ледком, заметало порошей в ожидании солнышка... И снова шумели ручьи, трещали скворцы, бродившие в проталинах у статных берёз. Едко пахло смолой кедрача, сосны, острым запахом портянок, чирками артельщиков, сохнувших на оструганных брёвнах для изб. Пыхали табаком мужики, остывая от азартной «игры» топорами, шурились, оценивая глазом строительный лес. «Этот, – рассуждали они, – на окладной венец и нижнюю обвязку, тот на бруски и лаги, из сосны выйдут стропила и балки». О-о-о, леса в Сибири – особые! Таких до Урала не сыщешь, кроме как в среднем течении Оби. Леса – кедровые, или – кедровники, как их звали чалдоны в Нарымском крае.

В руках плотников «горело». Срубы ставили у церкви с голубыми куполами и дальше, на ярстом берегу Шонги, полноводного Полоя. Обживалась Парабель, строилась: звенели пилы лучковые, двуручные, стучали топоры. Сибирский люд неторопливый, вдумчивый, рубил срубы «под лапу», в «ласточкин хвост». Избы выходили надёжными, крепкими – не возьмёт ни январская стужа, ни метель-падерина в феврале, наметавшая сугробы под крышу.

Хозяйственный народ – золотые руки, мастерил «сушила» с верстаками для столярных работ, ставил бани, сараи, рыл погреба. Улья, рамы, табуретки, прочую утварь – опять же не стоило труда, чалдонам всё по плечу. Тут же сохли доски на обшивку ярко-нарядных наличников окон, хранились рубанки, фуганки, долото, киянки, инструмент хозяев, чтобы прибить, обстругать, распилить. В мешках из дерюги ожидал очереди мох, надранный в болотах с лета. Им уплотняли межвенцовые пазы, конопатили швы, причём, хитро: не каждую стенку в отдельности, а по венцам, ага – во избежание перекосов в срубке.

Не страшна зима сибирскому люду. Студёными вечерами, когда ударивший мороз-воевода расписывал узорами окна изб, парабельцы, подкинув берёзовых полешек в печки, щёлкали кедровые орешки в свете керосиновых ламп. «Ведём «сибирский разговор», – смеялись они, соблюдая исстари заведённый уклад. Впрочем, и банные дни по субботам – святое в Нарымском крае – огромной территории, раскинувшейся в среднем течении сибирской матушки-Оби.

Русские издавна пересекали Уральские горы по охотничьим, купеческим делам, выходили к низовьям Оби в Обдорские и Югорские земли задолго до прихода в 1581 году Ермака Тимофеевича «воевать Сибирь». Нижняя Обь с 1187 года входила в «волости подданные» Великому Новгороду, а после его падения перешла к московским князьям. К своим титулам они добавили ещё один: «Обдорские, Югорские» и «прочая, прочая»...

Жившие в низовьях Оби ненцы, называли реку Саля-ям, что на их туземном языке означало «мысовая река». Ханты и манси звали Ас – «большая река», селькупы – Квай, Еме, Куай, что понималось как «крупная река». В верхнем и среднем течении Оби в неё впадали притоки, отчего, к северу, она становилась широкой, многоводной. Питали её воды таявших ледников Алтайских гор, ключи, атмосферные осадки, отсюда и водоносность реки в разное время года неравномерная: в дождливые и снежные годы она была полноводной, а в засушливые и мало-снежные её уровень падал.

Разное слагали про матушку-Обь, мол, название своё получила от языка коми, что означало «снег» или «снежный сугроб». Ничего удивительного! Зима наметала в приобье такие сугробы, что в минус сорок-пятьдесят градусов пробить «зимник» через ставшие «колом болота» не очень легко. Баили, что «Обь» иранского происхождения от слова «ап» – вода. Может и так! Имя полноводной реке могли дать ираноязычные народы, жившие на юге Запад-

ной Сибири с раннего бронзового века до средневековья. Бытовала версия о том, что слово «Обь» произошло от русского «обе», то есть «обе реки» – «обь», имея в виду – Катунь и Бию, образующие Обь. Сложная родословная великой реки.

Обь разделяла Нарымский край надвое. Здесь ширина реки достигала километра, а там, где разбивалась на островки и того больше. В весеннее половодье река заливала пойму, заноса левый, более низменный берег илом, дрсвой, наносным лесом и подмывая, возвышенный правый. С началом июня воды убирались в русло, обнажая береговые поймы, песчаные острова, отмели. Остальные реки – притоки Оби: Васюган, Чая, Парабель.

А что творилось на Оби в эти дни?! Вскрылась под майские праздники, матушка-Обь, вспучилась, кряхтела, родимая, скрипела в излучинах, словно роженица на сносях, топила половодьем луга, хватая в «объятия» избы, деревья, обласы остяков. Поглотив их в мутной воде, несла на север к Обской губе в Ледовитый океан.

На территории Нарымского края русло Оби имело извилистый характер, песчаные берега, или – о чудо – изваянные из глины всевозможных цветов. Местами галька. Русло играло злую шутку с рекой, размывая её берега неравномерной скоростью течения. Обь меняла направление, отчего участки с рыхлым грунтом размывались и у обратной береговины отлагались наносы. Сильнее всего разрушалось вогнутое побережье реки, где и глубина больше, и скорость течения, отчего увлекаемые водой частицы грунта оседали ниже по течению на противоположной низкой стороне, образуя песчаные отмели – пески. На них-то нарымские рыбаки и устраивали тони для отлова рыбы стрелевыми неводами. Разрушения яров забивало реку деревьями, пнями, что исключало рыбную ловлю отцеживающими орудиями лова. В таких случаях, весьма гораздые на выдумки остяки, поступали хитрее: у крутых засорённых берегов ловили рыбу ставными сетями и ловушками. Результат опережал все ожидания и орудия лова оставались целыми!

Однако пески не вечны, они более подвержены размыванию водой, нежели другие грунты: заносились илом, на них наслаивался наносной песок, что вело к образованию яров и выведению тоней из отлова рыбы. Проходило время, вода делала своё дело: точила камень, ил, песок, и тони вновь становились пригодными для рыбалки стрелевыми неводами. Капризные обские течения, извилистое русло, особенно с началом зимы, создавали заморы – кислородное голодание для рыбы. Нехватка в воде растворённого кислорода, бывало, приводила к её массовой гибели.

Многообразии водоёмов поймы Оби, наличие заморы накладывали особый отпечаток на повадки местных и полупроходных пород рыб. С весенним подъёмом воды для нереста и нагула веса язь, елец, окунь, щука выходили в пойму реки, становясь объектом сетевого, а летом и осенью – запорного лова. При спаде воды эти породы рыб, заметили остяки, «скачивались» в русло реки, продолжая нагуливаться в протоках, на песчаных отмелях, успешно попадая в их курьевые и полустрежевые невода.

Стерлядь для нагула весной уходила вниз по реке за пределы Нарымского края, а к осени поднималась вверх на зимовку. Рыба она донная, передвигалась между местами, устроенными для зимовки и нерестилиц. В низовьях Оби старляди меньше, однако в весенние месяцы именно здесь она жировала. Хорошо ловилась в июле, августе.

Важнейшая рыба Оби – осётр водился в низовьях реки, Обской губе и с поступлением талых вод в реку шёл нереститься в среднее и верхнее течение Оби. В пределах Нарымского края осётр попадался круглый год, но его массовый проход начинался с июля – только держи! Нельма, как и осётр, большее время проводили в Обской губе. После созревания шла в верхнюю Обь к нерестилищам. В пределах Нарымского края рыба считалась полупроходной, но встречалась на всем протяжении реки. Мелкая нельма нагулиwała вес в водоёмах Кети, Парабели, Васюгана.

Сырок и муксун – также полупроходные рыбы. Язь, чебак, елец, щука – местные, они встречались всюду. Единственная порода рыбы семейства тресковых – налим также являлся предметом ловли и употребления в пищу жителями края.

Ценные породы рыб в Нарымском крае вылавливались и сбывались скупщикам стоповым методом, суть которого заключалась в крутом солении рыбы в специальных чанах. В них же она сбывалась в населённые пункты Нарымского края, Томска, Новосибирска. Однако качество продукта, зачастую, не отвечало требованиям населения, что снижало доходность промысла. Отчего дальновидные хозяева песков, промышленники, использовали садки, куда пересаживали пойманную рыбу. С началом заморозков её «выгребали» неводом, морозили и по зимникам, льду Оби санным способом на лошадях поставляли на продажу. Свежемороженая рыба имела лучшую вкусовую привлекательность, повышая прибыль хозяев в разы.

Рыболовством занималось всё население Приобья от мала до велика. Рыбу вялили, жарили, коптили, парили, солили, морозили, ели строганиной, «чушью». Её промыслу придавалось огромное значение независимо от времени года, погоды и разнообразия снастей. Способные к рыбалке остяки: северные, восточные, южные, осевшие по берегам Оби, её притокам, обзавелись, конечно, хозяйством, но добыча рыбы относилась к основному занятию. Охотились тоже. Изобилие пушного зверя, лося, медведя в жизни местных аборигенов: остяков, хантов, эвенков, мансей, названных царской властью инородцами, оставалось важным средством выживания.

Огромную территорию Нарымского края покрывали величайшие в мире, яркие и удивительные по красоте Васюганские болота. Отсюда начинались реки Омь, Парабель, Чижалка, Парбиг, Кенга, Шегарка, Тара. На сотни километров тянулись мочажина по таёжной неизменности, восхищая воображение нарядами подбела, брусники, янтарной морошки, голубики, багульника, клюквы, кувшинок. Испокон веков травницы собирали здесь аир, василисник, астрагал, другие травы, ими лечили людей, заговаривали, снимая боль, усталость и недуги от тяжкой работы в тайге.

Лесными угодьями жители Нарымского края владели по укладу, который чтили губернские власти Томска, обычаи туземцев. Русские владели угодьями сообща. Инородцы богатую зверем и кедровым орехом тайгу делили между родами и семьями по числу душ и передавали по наследству из рода в род. Особое значение в жизни Нарымского края играл кедр. Высокое хвойное дерево сродни ели и сосне, кормило народ, приносило доход семьям чалдонов. В отдельных местах люди сбором ореха и жили. Собирали его в конце августа. Деревьями шли в кедровники, мастерили колотушки – боты и били ими по стволам деревьев. Случалось, сколь ни бей колотушкой по дереву, из-за мощного ствола кедрового шишки не падали. Тогда наиболее ловкие, сильные мужики лезли на дерево и били шишку палкой. Их собирали в холщовые мешки и несли в амбарушки, где хранились до становления зимнего пути.

Взбираться на кедр опасно, особенно, если сучья на стволе дерева начинались высоко над землёй или после брызнувшего дождика, когда смолистые ветви становились скользкими. В жизни парабельцев сколько угодно было случаев, когда добытчики кедрового ореха срывались с деревьев, увечились, расшибались насмерть. Чтобы удобней лазать по кедром, мужики надевали на ноги особые крючья-«кошки» и способили верёвку. А как же? Моргнуть не успеешь, как сорвёшься и каюк.

Шишковали около месяца. Из шишек особым, похожим на мясорубку устройством, лутили орешки, очищали от шелухи, сушили на кострах и складывали в амбарушках. Сколько было под силу уносили с собой, остальной урожай забирали зимой, приезжая за ним на лошадях, нартах и таким образом увозили в селения. Из кедровых орехов парабельцы давили масло, вырабатывали молоко, жмых, который применяли при лечении болезней. Сибирский кедр – это сибирский хлеб! Многих спасал он от голодной смерти.

Председатель исполнительного комитета Нарымского края Пантелей Куприянович Погадаев был человеком пришлым, городским, избранным пару лет назад руководителем огромной административно-территориальной единицы. дипокника юго факульте ибаи ой адмирати-ерритиаОкунувшись в заобы вены, Пантлянович окая, ал особенности быта нселения, вникал, исследовал. Из местных грамотеев, специалистов собрал коллектив исполкомовских работников и впрягся в работу.

Последнее время Пантелея Погадаева одолевала бессонница. Причина была очевидной и лежала она на рабочем столе – документы из центра. Они прибывали к нему нарочным с грифом «Для служебного пользования», «Секретно», бывало и – «Совершенно секретно». Сидел он за столом и, вдумчиво шевеля губами, вчитывался в документ, полученный из Новосибирска – центра Сибирского края. Официальным циркуляром вменялось: органам власти ускорить проведение политики советизации в отношении коренного населения края.

Лежавший рядом другой циркуляр, подписанный уже председателем Томского окружного исполкома Шмаковым, подтверждал обоснованность размышлений Погадаева. Председатель Сибирского краевого исполнительного комитета товарищ Эйхе требовал от них с Всеволодом Ивановичем перехода к новой форме административного устройства Нарымского края с созданием на его территории национальных советов. «С ума посходили все, чё ли? – сокрушался Пантелей Куприянович на высокое начальство. – Устроить туземные советы на основе инородческого населения с сохранением их культуры, языка, обычаев, ставить школы? На какие шиши, спрашивается? Нарым – заштатный центр Нарымского края, денег отпускали мало. Ещё в 1922 году решением коллегии Томского губернского отдела по делам национальностей, отвечавшего за проведение национальной политики на местах, на территории края была создана двадцать одна волость, из них две туземные: Иванкинская и Васюганская с проживающим коренным населением. Какие ещё советы?».

Тогда в Иванкинскую волость включили территории бывших Тогурско-Порубежной, Нижнее-Тогурской, Пиновской, 3-й и 4-й Парабельской, Ларпинской, Врхнее-Подгородной волостей с населёнными пунктами Езенчиных, Конеровых, Тяголовых, Игнаткиных, Инкиных, Зайкиных, Сагандуковых, Мумышевых, Невальцевых, Ласкиных. «Что ещё надо? – недоумевал Погадаев, щурясь от копоти трёхлинейной лампы. – Фитилек сгорел, чё ли? Э-э-х, сейчас районирование территорий, национальные советы, что последует за этим? У него в Нарымском крае русских проживало менее половины населения. Большая часть – остяцкие семьи, компактно обитавшие по Оби и её притокам. Чё ж получается? Образуется новая ветвь исполнительной власти, которая займётся туземным населением, так чё ли понимать? А суды? Прокуратура? Партийная власть? Тоже разделятся по национальному признаку? Уж, больно нагородили чё-то!».

Размышляя о русском и туземном населении края, Пантелей Куприянович разгладил лежавший на столе документ. Если к его исполнению подходить по уму, то отношения между коренными и пришлыми жителями следует выстраивать законодательными актами краевых, районных органов власти. То есть, принятием законов на местном уровне. Но в любом случае, как предписывалось циркуляром, территории инородческих сельских советов закрывались для вселения в них русского и пришлого населения. Под них отводилась территория Александровского, Колпашевского, Каргасокского, Парабельского районов, граничивших с территориями туземных советов, но не входивших под их юрисдикцию.

«Итиё мать, наворотили чё, а? – злился Пантелей Куприянович. – Как проводить реформы? В Апрельских тезисах Ильич заявил курс на усиление советской власти лозунгом: „Вся власть Советам!“. Ясно! В Сибирском крае линия советизации имела особый смысл – тоже очевидно. Население у нас, в основном из крестьян-середняков и, ничего не попишешь, запятнанных службой в колчаковской армии. За пособничество войскам адмирала расстреляли не всех: одних отправили в тайгу погибаться на лесных заготовках, иных и далее – куда Макар

телят не гонял. Среднячки же, выжив в лихие годы гонений, окрепли, поднялись на бедняцком горбу успешной торговлей хлебом. И ничего удивительного, что в нэповские времена единоличные хозяйства процветали, а середняки, подишь ты, прибавили себе веса в производстве сельхозпродукции, лесозаготовках, рыболовстве, охоте».

Правда, многие из них имели поражение в правах и были отнесены к «лишенцам»: не имели права участвовать в избирательных кампаниях, быть избранными в исполнительные, партийные органы власти, где действовала избирательная система. Статьей 65 Конституции РСФСР от 1918 года определялось семь категорий граждан, лишённых возможности избирать и быть избранными в советы всех уровней. Основная часть нарымских крестьян-середняков попадала в них, однако, это не мешало им быть успешными. «Как же с ними быть, исходя из инструкции, лежавшей на столе?» – размышлял Погадаев.

«А вот задача похлеще! – отметил про себя Пантелей Куприянович, читая следующий документ, – основным занятием партийных ячеек, райкомов, окружкомов ВКП (б) являлось воспитание населения в духе преданности советской власти, изучение марксистско-ленинского наследия. В советах, партийных, комсомольских, профсоюзных организациях строго придерживались демократических принципов: выборности снизу доверху, свободы слова, печати. Но что изменилось в последние год-полтора? Выдвижение кандидатов в органы исполнительной власти требовало согласования с районными и окружными комитетами партии. ВКП (б) всё настойчивее претендовала на исключительность в принятии кадровых решений и участие в решении хозяйственных задач. Почему?», – пожал плечами председатель крайисполкома, пытаясь понять веяния последних месяцев.

Пантелей Куприянович Погадаев был делегатом первого краевого съезда Советов Сибири рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, прошедшего в декабре 1925 года в Новониколаевске и хорошо помнил повестку дня. В неё были включены вопросы, охватывающие жизнь огромной территории: отчёт Сибирского революционного комитета, избрание Сибирского краевого исполнительного комитета, развитие экономики, культуры, образования. На первом Пленуме председателем Сибкрайисполкома избрали товарища Эйхе. Роберт Индрикович был известным в стране партийным руководителем, кандидатом в члены ЦК ВКП (б), прошёл серьёзную закалку в партийных рядах.

Тем не менее, Погадаев обратил внимание на разношёрстность делегатов, прибывших на съезд из сибирской глубинки. Общаясь с ними в перерывах между заседаниями, он удивился образовательному невежеству выходцев из народа – беднейшего крестьянства, как того требовала инструкция ВКП (б) в отношении товарищей, делегируемых в исполнительную власть. Если доклад председателя Сибирского революционного комитета Лашевича делегаты съезда слушали с вниманием, то на следующие заседания, часть из них, игнорируя нормы партийной морали и нравственности, не прибыла вообще. Такие вопросы принципиального характера, как образование Сибирского края, переименование города Новониколаевска в Новосибирск – обсуждались при наличии пустых мест в зале заседания дворца Советов имени Ленина. Кворум, конечно, был! И новое территориальное образование – Сибирский край с включением в него Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Иркутской, Томской губерний, получило путёвку в жизнь. Но у Пантелея Погадаева остался неприятный осадок от работы в комиссиях съезда. Юрист по образованию, окончивший юридический факультет Томского университета, он не мог быть равнодушным к нарушению процессуальных норм ведения высшего форума исполнительной власти Сибири. Досаждали крикуны из таёжных заимок, промышлявшие медведей и сохатых, баламутили атмосферу заседаний лица маловнятного происхождения. «Эх, представители народа, мать вашу так! Опять нагородили чёрт знает чё!»

Погадаеву запомнилось выступление на съезде председателя Сибирского революционного комитета Михаила Михайловича Лашевича. В военной форме, подтянутый, усы щёткой, он произвёл приятное впечатление на делегатов. Возглавляя чрезвычайный орган

советский власти в Сибири, он выработал и предложил советскому правительству план проведения революционных административно-территориальных реформ. Именно Лашевич весной 1925 года внёс в Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета – ВЦИК и Госплан проект образования Сибирского края. Ему принадлежала инициатива и в освоении богатств этой замечательной земли.

Сибирский Революционный комитет создавался в сложнейших условиях гражданской войны. Постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 года «Об организации гражданского управления в Сибири» были утверждены его функции. Они распространялись на Омскую, Томскую, Алтайскую, Семипалатинскую, Иркутскую и Якутскую губернии. Ему подчинялись все учреждения гражданского управления. Являясь полномочным органом в осуществлении высшей власти в Сибири, он подчинялся ВЦИКУ, СНК, Совету Труда и Оборона.

Сибирский революционный комитет на съезде Советов Сибири прекратил своё существование с передачей полномочий съезду, что, несомненно, явилось важным шагом в реформировании Сибирского края. Решением съезда Сибкрайисполкома было определено, что высшей властью на местах являются съезды областей, округов и районов. В перерывах между съездами высшая власть передавалась их исполнительным комитетам, в том числе – городским и сельским советам. Стало быть, высшим органом власти в Сибирском крае был краевой съезд Советов, а в период между сессиями полнота власти возлагалась на Сибкрайисполком.

На местах дела обстояли так. Высшую власть в округах представлял окружной съезд советов, а в перерыве между сессиями его функции выполнялись окружными исполнительными комитетами. В период работы съездов избирался Президиум, которым рассматривались и принимались решения по выносимым на обсуждение вопросам. Члены исполкомов всех уровней были исключительно выборными из числа рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Решением съезда Советов в состав Сибирского края было принято 19 округов, в том числе Томский округ с Томским уездом, часть территории Мариинского уезда, четыре района Нарымского края (Каргасокский, Колпашевский, Парабельский, Чаинский) и Ойротскую автономную область. Казалось бы эту территориальную махину осваивать и осваивать, наращивая производство зерновых, рыбной ловли, лесозаготовок, промышленности, но увы – на столе Погадаева лежал циркуляр о создании в его Нарымском крае ещё и туземной вертикали исполнительной власти. «С ума сойти от нововведений верхов!» – сокрушался Пантелей Куприянович, сворачивая самокрутку. Многие вопросы по организации туземных советов предстояло согласовать с партийной властью: окружкомом, райкомами. «Хитрецы, – всё не мог успокоиться Пантелей, – рассчитывают при новой форме административного устройства сблизиться с народными массами и повести их к социалистическому будущему. На чужом... так сказать горбу и в рай».

Пантелея звали на партийную работу. Причём, не кто иной, как назначенный недавно секретарём Сибирского краевого комитета ВКП (б) товарищ Сырцов. Сергей Иванович предложил ему возглавить одну из районных партийных организаций Томского округа, считая юридическое образование Погадаева, выпускника университета, подспорьем в активизации боевитости томских коммунистов. Пантелей Куприянович видел, что парторганизации Сибирского края, а их насчитывалось около трёх тысяч, ЦК ВКП (б) наделялись всё большими полномочиями. По глубине и охвату их функции распространялись на все сферы жизни и деятельности общества. Этот посыл ощущался в пламенных статьях газет Сибирского края: «Крестьянская газета», «Жизнь Сибири», «Власть труда», «Сибирские огни», «Молодость Сибири».

В главной газете страны Советов «Правда» размещались статьи товарища Сталина, направленность которых исповедовала сплочение и мобилизацию народных масс на трудовые и ратные дела, на усиление роли партии в жизни советского государства. Газета выступала рупором партии и лично Генерального секретаря ЦК ВКП (б). Её материалы обсуждались на партийных собраниях, конференциях, пленумах, ими коммунисты руководствовались

в повседневной жизни, цитировали с трибун фрагменты выступлений вождя коммунистов. Через многочисленные первичные ячейки партийная истерия пронизывала исполнительную власть, отрасли народного хозяйства, доходила до каждого человека в отдельности.

С крайкомом партии, райкомами согласовывались не только вопросы кадровой дисциплины, назначения и перемещения работников, партийные органы усилили влияние на принятие решений, находившихся исключительно в компетенции исполнительной власти. Партийные структуры, как отмечал Погадаев, нарушали демократический принцип выборности в органы исполнительной власти. Из-за возросшего влияния коммунистов выборы в исполнительные комитеты заменялись прямым назначением на должности волей партийных органов.

В личной беседе Сырцов намекнул Погадаеву, что, он хотел бы видеть его на партийной работе, сейчас стоит задача по созданию новой системы партийной власти, подходов и методов строительства социализма. «Это интересно, хотя и трудно, но помощь и поддержка гарантируются, – сказал в заключение Сергей Иванович, – есть, правда, нюанс. Необходимо пройти уровень районного комитета партии, например, Парабельского, а уж потом окружкома, иначе кадровики всю жизнь будут „точить зуб“ за отсутствие райкомовской ступени и в дальнейшем по партийной линии могут возникнуть проблемы. Такая вот „петрушка“, – протянул руку Сырцов. – Думайте, товарищ Погадаев!»

Пантелей неделю думал над предложением главного коммуниста Сибири, но решил, что, работа в исполнительной власти несёт больше пользы в освоении Нарымского края. В партийной деятельности его давила аппаратная обыденность: собрания, протоколы, решения, постановления, многочасовая «говорильня» – не в его характере. «Люблю видеть результат, товарищ Сырцов», – заключил он, отказавшись от лестного предложения Сергея Ивановича. Последний кивнул и, не прощаясь, пошёл по коридору окружкома партии – седой, основательный.

Пробил третий час ночи. Погадаев всё ещё сидел в конторе, рассуждая о насущных проблемах: переносился в прошлое, возвращался к делам сегодняшнего дня. «Не-е-е-т, себя не обманешь, – усмехнулся председатель, – не обойдётся ли боком отказ от предложения секретаря Сибирского окружкома партии?». Сергей Иванович с товарищем Сталиным громил троцкистско-зиновьевскую оппозицию и «правый уклон» в партии. Прищуренный взгляд Сырцова оставил смутную угрозу в душе: «Не оплащать бы с отказом от предложения! Время-то какое! Партийный руководитель Сибирского края Сырцов – член ЦК ВКП (б), человек с революционным прошлым, опытный аппаратчик. Человек такого уровня с кондачка предложений не делает: навёл справки, оценил и решил ввести в обойму «своих людей». Не спроста же Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) направил на партийную работу в Сибирский край, – размышлял Пантелей, – ох, не спроста». Иосиф Виссарионович бывал в ссылке не где-нибудь в Сибири, а у него, Погадаева, в Нарыме. Знает, что делает, расставляя людей на ключевые посты в партийной иерархии края».

Обеспокоенность Погадаева усилил телефонный звонок председателя Томского окрисполкома Шмакова. Непривычная для Пантелея Куприяновича телефонная связь, установленная месяц назад, связала Нарым с райисполкомами, Томском и столицей края – Новосибирском. В настоящий момент четырнадцать райисполкомов, входивших в Томский округ, решали насущные дела по телефону.

Обеспокоенным голосом Шмаков сообщил об отправке в Нарымский край группы так называемых выселенцев для освоения тайги и Васюганских болот.

– Кто такие, Всеволод Иванович?

– Враги народа, из «бывших», Пантелей Куприянович, из Ленинградской губернии, Москвы, Белоруссии. Принимай, расселяй и без проволочек гони в работу.

– Так ведь остяцкие советы, Всеволод Иванович...

– Расселяй, приказываю! И готовься к приёму больших групп перемещённых лиц. Партия приказала: никакой пощады «уклонистам», монархистам, кадетам, офицерью и прочей заразе старого режима! Звонил товарищ Эйхе! Сам! Понимать надо!

Погадаев понял. Партией создавалось идеологическое влияние на трудящиеся массы, крестьянство, исключавшее всякие сомнения в решимости своих намерений. После смерти Ильича в ЦК партии развернулась ожесточённая борьба между группировками по нескольким направлениям. Одни партийцы вычерчивали схемы движения вперёд, предлагая реформы в экономике, сельском хозяйстве, культуре, образовании. Другие в революционной борьбе дрались за посты, портфели и сферы влияния в партийной иерархии.

При жизни Ильича партия не претендовала на исключительность в строительстве социализма в советском государстве. Она занималась рутинной работой по созданию партийных организаций в республиках, областных и районных центрах, городах. Создавала ячейки в трудовых коллективах фабрик, заводов, учреждений, организаций, митинговала на площадях, в колонном зале Дома Союзов, который навещали Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. У Погадаева не было ощущения, как и у миллионов граждан огромной страны, что внутри партийных кулуаров зреют далеко идущие планы в «прибрании» к себе управление государством и общества в целом. Из-под пера партийной номенклатуры выходили решения, постановления, инструкции, циркуляры, предписывающие административный порядок действий, нормы ведения дел. Определялись цели, ставились задачи движения по направлениям, отраслям народного хозяйства.

«Что же получается? – морщил лоб Пантелей, – партийные установки в советском обществе становятся нормой и охватывают население по классам и, с позволения сказать, привилегиям? Ясно, как Божий день, что, распространяясь на структуры исполнительной и судебной властей, она подминала под себя органы государственного управления, жизненные устои граждан. Вычленила «бывших».

Образованное в декабре 1918 года Сибирское бюро, руководившее партийным подпольем и партизанским движением на захваченной белогвардейцами территории, из полномочного представительства ЦК партии в Сибири, превращалась в силу. Крепло! Ещё в мае 1924 года 1-я Сибирская краевая партийная конференция, заслушав отчёт о работе, высоко оценила деятельность и предложила создать новый партийный орган – Краевой комитет РКП (б) Сибири. Конференция поддержала предложение! В кратчайшие сроки в Сибирском крае была создана мощнейшая структура партийной номенклатуры, которая и становилась властью. В неё товарищ Сырцов и приглашал Погадаева. Не срослось – отказался!

Глава 2

Пантелей изучил систему партийной номенклатуры: жёсткую и непримиримую. В неё вошёл перечень важных должностей партийной иерархии, подлежащий специальному учёту. Этот перечень составили партийные органы от ЦК РКП (б) – ВКП (б) и вниз по вертикали до окружкомов и райкомов. Каждый из этих органов составил свою собственную номенклатуру, в которой учёл партийных, советских, профсоюзных и прочих функционеров своего уровня (уездного – укомы, губернского – губкомы). Мало того, учёту подлежали нижестоящие должностные посты, которые считались значимыми. То есть, наряду с иерархией партийных органов появилась иерархия номенклатур, ступени которой тесно переплелись друг с другом. Каждая ступень вбирала в себя часть нижестоящей номенклатуры, вливаясь в вышестоящий уровень. Таким образом, манипулируя кадрами, партия брала под контроль все сферы управления государством.

«Что же будет? – думал Пантелей Куприянович. Внимание его привлекло светлеющее в окне нарымское небо. Утро. Что оно принесёт? С врагами народа разговор короткий! С ними нет проблем! Сколько их здесь зарыто расстрелянных и утопленных в Оби и болотах? Кто его знает? Но с трудпоселенцев нужен результат! Спросят, ох, спросят! Это значит, что необходимо создавать систему освоения края по направлениям экономического развития. Дармовые рабочие руки нужны! В одном только Парабельском районе развернулось ого-го какое сельское хозяйство! Строились леспромхозы, разрабатывались лесные угодья, отправлялась в Новосибирск древесина, росло рыболовство. Нарымскому краю нужны были трудпоселенцы. Летом – ладно, поставят балаганы, выживут, а в зиму – избы, бани и пусть колотят вшей. Надо осваивать землю».

В приёмной стукнуло. Ага! Петровна пришла навести порядок в служебных помещениях. Сейчас задаст «дрозда». Полусонная баба аппетитных размеров, убирающая двухэтажное здание крайисполкома, ввалилась в кабинет Погадаева. Взглянув с укоризной на помятого председателя, попеняла:

– Не бережёшь себя, Куприяныч! На кого похож-то стал? Кожа да кости! Тьфу! Скажу Нюрке, чтобы взяла в оборот! А то ишь, повадился на работе спать!

Услышав о жене, Погадаев вспомнил первую встречу с будущей женой – чалдонкой. Он знал, что исконно сибирские женщины исполнены особым смыслом и поэтичностью, славятся красотой и плодовитостью. Ежегодно весной в Парабели проходили оживлённые и весёлые ярмарки. На них заезжали сибирские купцы, их приказчики. Привозили фабричный товар, сапоги, мануфактуру, свинец, соль, хлеб и многое другое. Остяцкие юрты предлагали свои товары, в основном ценные меха лисиц, соболей, горностаев, а также кедровые орехи, ягоды, грибы, рыбу свежую, солёную, копчёную, вяленую, сушёную. Всё то, чем богат Нарымский край. Обмен товаров шёл под разухабистые песни, частушки, прибаутки, которые щедро раздавали посетителям зазывалы ярмарки.

Тройки лошадей, украшенные лентами, цветами, бубенцами, катали весёлых посетителей ярмарки по центральной улице – Советской. На одной из них и встретил Пантелей свою судьбинушку – Аннушку. Одетая она была по-праздничному: в две широкие сборчатые юбки на подкладке в один тон, в облегающий фигуру полушубок из горностаев. На голове «горела» цветастая шаль, на ногах – самокатанные белые валенки. Невысокого роста, круглолицая с ямочками на пухлых щёчках и русой косой, перекинутой через плечо под шалью, она поразила Пантелея.

Молодой мужик восхитился красотой незнакомки и решил с ней заговорить. Случай представился, когда оба увидели остяка Пашку Малькова. Всякий раз на ярмарке Пашка напиивался на радостях по случаю удачной продажи товара. Выходил из чайной «Ласточка» и, раскинув руки, восклицал: «Принимай меня, матушка-Обь, раба Божьего Пашку!» – и с размаху

падал в весеннюю лужу. Людям было на забаву. Смеялись, доставали из воды, зная, что на следующий год Пашка поступит таким же образом.

Встречаясь с Аннушкой, Пантелей понял, что по характеру она женщина строгая, но в то же время весёлая, жизнерадостная, улыбочивая и словоохотливая. «Лучшей жены не сыщешь», – уверился Погадаев и в один из зимних вечеров Пантелей пришёл в её семью свататься. Он удивился и вместе с тем восхитился домом Захара Николаевича Перемитина – отца Аннушки: большим, просторным, с незабранным доской фронтоном, обнесённым заплотом из тёсаных топором плах, калиткой в «ёлочку». Обратная сторона двора шла вдоль огорода к пряслам, была огорожена тыном из сосновых жердей и вплотную подступала к лесу. Во дворе за глухими воротами в глаза кидался добротный амбар, рядом – навес, загон для скота. В конце огорода, ближе к реке, срублена с резным оконцем банька. В палисаднике под окнами дома рос развесистый куст черёмухи, ветви которой, переваливаясь через глухой заплот к дороге, нависали над скамеечкой у калитки.

Семья Анны была зажиточной. «Более, чем «средняки, – прикинул Погадаев. – Что же скажут товарищи по партии?». И всё же внутренний голос шептал Пантелею: «Ты же любишь Аннушку и не расстанешься с ней никогда...». Погадаев решил: «Будь, что будет!». Женился.

Семья жены была чалдонских корней. Этим словом в Сибири звали потомков первых русских переселенцев, вступивших в брак с аборигенами новых земель во времена освоения русскими казаками. Их предки разведали и освоили суровые земли Приобья, накопили знания о природе и выработали навыки выживания в сложных условиях. Сумели создать яркие, самобытные культуры и обычаи. Трудолюбивая сибирская семья любит родную землю, почитает труд.

Отец Анны, Захар Николаевич, имел сильный и твёрдый характер, человеком был честным, трудолюбивым, правдивым. У местных властей значился «средняком». Имел единоличное хозяйство, которым управляла жена Екатерина Сергеевна, ещё моложавая и статная женщина. Характер у неё был истинной сибирячки: полный душевной щедрости, доброты и человечности. Вечерами по хозяйству ей помогала дочь Нюра. Окончив семилетнюю школу, Анна работала на почте. Три её брата разъезжали по туземным юртам, занимались скупкой рыбы, пушнины у остяков, а Захар Николаевич успешно сбывал её заезжим купцам.

Брак молодые заключили согласием обеих сторон. Из родительского дома в Парабели Анна переехала к мужу в Нарым. Она варила, пекла, прибирала, со вкусом одевалась и пела русские песни, глядела за детьми и мужем. «Хорошая жена», – гордился ею Погадаев. Вскоре у молодой семьи родились сыновья: Антон и Клим. Детей Пантелей любил, но из-за напряжённой работы не хватало времени водиться с ними. «Семье надо больше уделять внимания», – частенько думалось ему.

– Иди уж, перекуси, уберусь! Сидит тут! – отчитала его Петровна.

– Иду, Петровна, иду, – усмехнулся Погадаев, – всё равно не отвяжешься. Ты вот чём скажи, чем отличаются тымские остяки от ласкинских или мумышевских остяков? А?

Баба недоуменно уставилась на председателя крайсполкома.

– Поди ночь думал над этим?

– Не поверишь, Петровна – думал. Уживутся вместе или как?

– Коим это образом?

– А посели их вместе, Петровна, раздерутся? Не поделят пески, уголья? Создадут проблемы.

– Эк, понесло тебя! Известное дело, Куприяныч, языки у них разные, обычаи. Наши, нарымские-то, обруселись, а те не-е-е-т – в жёны берут своих. От того и дохлые, не жильцы! И то дело – ласкинские охотничают, добывают белку, соболя, бьют глухарей, тетеревов, рябчиков, тем и питаются. Тымские – промышляют рыбу: осетра, нельму, муксуна, стерлядь и, заметь, живут в избах – строятся. Ласкинские роют землянки, ставят чумы, им сподручней

так. Самоеды, прости Господи... Но, чтобы враждовать? Не-е-е, не будут! Всем хватит песков, тайги – прокормятся.

От всезнающей язвительной Петровны не ускользнула попытка Погадаева подтянуть бродни.

– Стельки поди мокрые, не высушил ночью? Прости уж, грешную, чё лезу не в свои дела, кину полешек в печь, положи их сверху и портянки тоже. Небось, целый день мотаешься по воде, ноги-то береги, ревматизмой съест.

Доверившись въедливой бабе, Пантелей скинул рыбацкие сапоги с длинными голенищами, вынул стельки из войлока и приспособил к обнесённой железом круглой печи. Берёзовые полешки от внимательной Петровны гудели пламенем, гулом, принеся в помещение председателя уют и тепло.

– Ты вот, что, Петровна, – откинулся на диван Погадаев, – моей-то не говори, осерчает Нюра и разговор не оберёшься.

– Побаиваешься? – скривилась в улыбке уборщица, – бедовая жена у тебя, сам выбрал парабельскую, вот и ступай с ней в ногу, по-нашему, по-нарымски.

– Дык, ступаю, Петровна...

– Эк, мужики, ненадёжный вы народ, – отмахнулась женщина, не заметив, как половой тряпкой смахнула слезу со щеки. – Вон Стёпка мой пока не утоп в Оби с пьяну на рыбалке, все лелеял меня, блюл. Гляди, гладкая какая!

– Ну, это да! – отшатнулся Погадаев. – У тебя же, Петровна, до Степана был... Как его?

– Ну, Афанасий, царство ему небесное! Гроном убило – тоже на Оби. Шарахнуло молнией в лодку – и поминай, как звали. Тело не нашли, может, налимы сожрали... Мужики, мужики, не бережёте себя!

Женщина присела на табурет и уставилась в окно на Обские просторы, а там река несла мутные воды с остатками льдин и торосов.

– Скольких же ты, голубушка, прибрала неразумных-то? Ай-я-яй!

– Расчувствовалась, чё ли, Петровна? Не поминай лихом мужиков. Толи ещё будет? Намедни с Томском говорил – пришлые едут к нам на работы. Как смотришь на это?

– Пришлые говоришь? – насторожилась женщина, утерев лицо рукавом фуфайки.

– Ну, да! Ссылные трудпоселенцы...

– А-а-а, эти-то, ссылные... Сам знаешь, сколь их до революции у нас было неугодных царю... Шишков, Свердлов, Рыков, Куйбышев. Сам Иосиф Виссарионович...

«Да, – подумал Погадаев, – Нарымский край обживала „вся революционная Россия“, здесь были представители пятнадцати партий и групп четырнадцати национальностей».

– Разное баили про тебя, Петровна... Неужто правда? – поинтересовался Погадаев, скосив глаза на уборщицу.

Женщина отвернулась от осторожного намёка председателя...

– Ты чё... О «Кобе», чё ли, Пантелей?

– Ну-у-у... как сказать... Дело житейское! Сколь воды утекло с тех пор.

– М-да-а, время летит. Это ж когда их пригнали? Ага! В июле 1912... Яков Михайлович уже отбывал ссылку, прижился, а «Кобу» поселили у крестьянина Алексеева – урядник велел. Мы жили рядышком с ними, через огород. Ну и встретились однажды... Чернявенький такой, с густой шевелюрой, бородкой... Интере-е-есны-ы-ы-й... Да и сколь жил у нас? Месяца через полтора утёк и с концами...

– Ты вот чё, Петровна, – Погадаев задумчиво тронул плечо женщины, – никому ни слова... Времена-а-а пошли... Не ровен час, смотри...

– Да, Бог с тобой, Пантелей Куприянович! Я чё? Прошелыга какая, чё ли?

– Нет, конечно, Петровна, договорились?

– Ох, мужики, – сокрушилась уборщица, выходя из кабинета Погадаева. – Договорились! А ссыльным твоим, Пантелей Куприянович, у нас будет не сладко. Местный чалдон не любит чужих. Закон – тайга! Ты это знаешь!

Погадаев знал! Чужаков не любили в крае. Пришлые, бывало, селились в соседях: беглые, надзорные. К ним приглядывались исподтишка, изучали, оставаясь нелюдимыми, и смягчались, когда видели в них людей мастеровых, деятельных – принимали.

В Нарымском крае суровые законы! Закон – тайга, как сказала Петровна. Не вписался в сложившуюся веками жизнь? И человека как не бывало – был и нету. Тайга или матушка-Обь заберёт с концами – не сыщешь! Они умели хранить тайны! Ни в царское время – урядник, ни в советскую власть – милиционер в жизнь не сыщут правды. И всё же основную часть пришлых не выкидывали за борт остяцких обласов, они наделялись землёй, строились, приживались по «законам тайги» и не жаловались на суровый мороз зимой и нестерпимый гнус летом.

Погадаев был наслышан об истории с первыми пришельцами в Приобье. Ими, оказывается, были жители Углича из окружения малолетнего царевича Дмитрия – младшего сына Ивана Грозного, убитого в 1591 году при загадочных обстоятельствах. Приказом правителя Российского государства Бориса Годунова около двухсот человек по этому делу казнили, иных отправили в ссылку в Тобольск и земли, где в 1596 году основался Нарымский острог.

А дальше ещё интересней. В XVI—XVII веках в этих краях оставались первые землепроходцы, воители, исследователи Сибирских земель. Ермак Тимофеевич, признанный завоеватель Сибири, был не первым воином, пришедшим в 1581 году с дружиной «воевать Сибирь». За сто лет до него в 1483 году войска князя Фёдора Курбского и воеводы Ивана Салтыкова-Травина прошли путём, известным новгородским купцам, к Тоболу, Иртышу и вышли к средней Оби.

Василий Сукин – воевода, в 1586 году шёл на помощь Ермаку и основал Тюмень – не без того, тоже оставил след на этой земле.

Казак Пенда через среднюю Обь в 1623 году добрался до Чечуйского волока, где Лена подходит к Нижней Тунгуске и по ней доплыл до места, где ныне построен Якутск.

Затем, словно по команде, в неизведанные пространства Сибири двинулись отряды Петра Бекетова, Ивана Москвитина, Ивана Стадухина, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова. Все они оставили корни потомкам и след первооткрывателей Сибири. Уживались, не гнушаясь браками с инородцами – остяками нарымскими, вероисповедованием, рожали детей. Все зависели от щедрот великой сибирской реки Оби, её притоков, выписывающих витиеватые извилины на просторах Западно-Сибирской неизменности. Она была им матерью-нянькой, объединяла, кормила, но не баловала, прибирая к себе многих, кто забывал о её могучей силе.

В Нарымском крае со старожильческих времён жили по законам, которые передавались молодым поколениям не нравоучениями стариков, а конкретными делами, приносящими рыбу, дичь, дрова и всё, что необходимо для жизни. Из лёгких, ненавязчивых бесед с местной чалдонкой, Погадаеву были известны многие самобытные истории края, в котором прижился и он, человек городской, сын конторского служащего в Томске. Появился говорок нарымский – «чёкающий», короткий, но по делу, конкретный. Люди жили здесь малоразговорчивые, общались мало, но из неторопливых бесед с остяками, чалдонами он узнавал Нарымский край, которым руководил на протяжении двух лет.

Петровна подтвердила мысли Погадаева по важным направлениям, которые волей партии предстояло в ближайшее время решать: образование туземных советов и приём ссыльных трудпоселенцев. Создание туземных советов беспокоило его неоднородностью остяцкого населения – северных, южных остяков, которые относились к разным группам одного самодского народа. Язык общения, культура, обычаи, традиции несли в себе оттенки, окрас и, как думал Погадаев, искусственный загон народов в рамки административно-территориальных единиц, могли вызвать в их среде противоречия. Случись такое? Ему несдобровать! Руковод-

ство Сибирского края вменит в вину по линии исполнительной власти и партийной тоже. Там разговор короткий! Чикаться не будут!

Приём группы трудпоселенцев на принудительные работы осложнялся вопросами организационного характера. Они замыкались на райисполкомах, сельских советах и выходили на местных жителей. Им придётся жить с пришлыми. «Как примут их? – Вопрос! Не любят у нас таковых, – размышлял Погадаев, – не жалуют!» Реплика Петровны, брошенная на прощанье, подтверждала его размышления о непростой ситуации. «Одним словом, ухо надо держать остро! – сделал вывод Погадаев. – Иначе – удачи не видать!»

– Пантелей Куприянович, Пантелей Куприянович! – крикнули с улицы.

– Что случилось? – Погадаев выглянул в затянутое паутиной окно.

У двухэтажного здания окружкома возбуждённо махал руками заведующий сектором рыболовства Иван Дюков.

– Налицо неисполнение решения крайисполкома, Пантелей Куприянович! Докладываю: невод изъела зараза! Или не законсервировали с осени как надо, или, как пить дать, абы как хранили на складе.

– Чё городишь-то, Иван Ермолаевич? Осенью, когда путина закончилась, ты же докладывал мне, что невода ополоснули и вывесили на вешалы!

– Небрежность случилась, Пантелей Куприянович, проверил сегодня – и вот незадача!

– Идём!

Погадаев оделся и сбежал вниз по ступенькам.

– На конюшню, Иван Ермолаевич, возьмём лошадей – сподручней будет.

На берегу Оби у вешал – приспособлений из жердей, на которых вывешивались для просушки невода, собрались рыбаки, в основном остяки среднего Приобья. Судили-рядили о подготовке к путине, выказывали приметы по успешной рыбалке.

– Я, парля, тымский, Степан, знаю, чё говорю! – брызгал слюной мужичонка в рваном зипуне, – невод изъела зараза, оставшаяся от чешуи и внутренностей рыбы. Сушка не при чём!

– Сказанул, мужики! – озверел Степан Тобольжин, бригадир рыбаков, – сушка не при чём? Дурья башка! Протяну колом по остяцкой спине – будешь помнить, что невода сушат на вешалах. Обдыбает ветерком с Оби, высушит, тем и хранится! А ты чё осенью творил? Жерди для чего валяются? Где Лёнька?

– Здесь я, бригадир!

– Невод сушили осенью, мать твою разэтак?

– Да, как сказать, Митрич! Расстелили на земле! За тебя оставался тымский остяк, вроде «петрит»... Мы чё? Сказал расстелить на траве – расстелили.

Бригадир оторопел! Поправил армяк, перетянутый бечёвкой.

– Значит, на солнце кинули, сволочи? Думали, солнышком протянет – и в чинку его?

– Ну, было дело, – вздохнул рыбак.

– Когда же вы, сволочи, научитесь хозяйничать и бережно относиться к снасти, а? Чего зенки лупите? Перебирайте полотно! Оно трётся о грунт, коряги, топляки, обшивку бортов, палубные мостики неводников и портится. Кому говорил, остяцкие морды? Ёшка, твою мать?

– Здесь я, бригадира, – шмыгнул носом тымский остяк.

– Почему невод не расшили по частям, не сняли груз, наплавы?

– Дэк, рази упомишь всё, Митрич. Перед ледоставом вода поднялась, едва управились.

– А дыры? Невод скормили мышам?

Рыбаки мялись под свежим ветерком с Оби, оправдываясь перед бригадиром.

Погадаев понял, в чём дело. Осенью после окончания путины невод бросили на берегу, не расшили полотно, не сняли груз, наплавы. Полежал на солнце, чего тоже допускать нельзя, подсох – и снесли на склад, оставив мышам на съедение. Рыбий жир, чешуя привлекли грызунов, они и «прошлись» по нему зубами – от того и дыры.

– Значит, так, работнички! – вмешался Погадаев. – Я выслушал вас! Теперь слушаем меня! Вижу, что из наших разговоров вы ничего не поняли! Товарищ Дюков, проинформировать краевую прокуратуру о факте вредительства в отрасли рыболовства! Положение о прокурорском надзоре от 1922 года, утверждённого товарищами Калинин и Енукидзе, никто не отменял! Вам, товарищ Тобольжин, даю трое суток на приведение в порядок рыболовных снастей и «флота» к началу путины. За срыв распоряжения крайисполкома применю статью 58, в части пункта 7 и сошлю к чёрту на кулички! Кто не понял, о чём говорю?

Опустившиеся головы мужиков рыболовецкой бригады вряд ли убедили председателя крайисполкома в раскаянии и признании вины. Залитые брагой глаза мужиков слезились желанием опохмелиться и, махнув на всё рукой, упасть на вшивый топчан в балагане. Благо тепло.

– Эй, мужики, Колю-Морду не видели? – окликнул рыбаков бригадный повар в рваной телогрейке. – Чёрта послал за дровами и след простыл!

– Глянь-ка в кустах, может, там валяется, – отмахнулся бригадир. – Товарищ председатель, сделаем! Сами видите, с кем выходим на тони. Поправим дело.

– С пьянством не кончили, Степан Митрич? Сахар просадили на брагу? Вам, подлецам, мешок отпустил? Где? Пропили?

– Было дело, Пантелей Куприянович, – виновато развёл руками Митрич, – как без этого в воду лезть?

– Как лезть, прокурор разберётся! Всё! Разговор окончен!

Погадаев с Дюковым не дошли к привязанным к жердине лошадям, как услышали из кустов благий мат повара:

– Твою мать, перемать, Колька-Морда утоп! Идите сюда!

Переглянувшись, рыбаки заспешили в прибрежный тальник.

– Тьфу, ё... шь твою! С пьяну хрен понёс за дровами!

– Третью неделю не просыхал – хлестал бурду из лагушка.

За прибрежным тальником находился садок, приспособленный для выловленной рыбы. Коля-Морда, видно, не рассчитал силы и, свалившись в воду, где глубины-то по пояс – не больше, захлебнулся и пожалуйста, лежал, раскинув руки.

– Тащи за фуфайку, ядрёна корень!

Тело рыбака вытащили на берег. Лицо утопленника синело на глазах, приобретая чёрный оттенок. «Качать» не имело смысла – захлебнулся.

– Отмучился, бедный. Дёготь пил от пистраховостов – не помогло, печёнку лечил брагой – впустую, – вздохнул Митрич. – Несите уж, первым ушёл в сезоне – обмоем.

Подхватив тело рыбака, бригада вынесла его на песчаный берег Оби.

– Скольких ещё приберёшь, матушка-Обь? – сокрушился Митрич, мутным взглядом окинув бригаду. – Ить говорил же ему – наить кончать с этим делом, на кухню отправил подсоблять... Не послушал...

Рыбаки молча стояли перед телом непутёвого Кольки – вымазанного илом, ненужного, заброшенного. Кому отдать? Кто примет-то? Никто не и знал – Коля-Морда из чалдонов и всё.

– Где обитал? Кто скажет? – спросил Митрич, в общем-то, не ожидая ответа.

Нет, повар, кое-что ведал:

– Вроде, у Аньки прижился, та, что в сельпо торгует.

– Хэк, у Аньки, сказанул, – вздохнул бригадир, – у неё вся бригада прижилась... Значит, никого... Там, за тальником, выройте могилку, спроводите уж, а я к прокурору...

Тонули рыбаки часто. Погадаев издал распоряжение, которым органам милиции предписывалось контролировать пески. Им же вменил в обязанность взимать штрафы, садить в кутузку всех, кто пьянствовал на реке. Обь кормила, но она же забирала всех, кто не следовал её законам.

– Поехали, Иван Ермолаевич, нечего нянчиться с ними. Прокурор разберётся! Ты вот что! Убейся, но парабельский песок должен иметь два стржевых невода. Под юрты Мумышевы хватит одного. Разживёмся – приобретём.

– Хорошие неводы, Пантелей Куприянович, производят в Астрахани. Там сетевязальная фабрика славится на весь Каспий и Волгу, стржевые невода, в раз для наших тоней, вяжут тоже.

– Разберись через своих в Сибкрайисполкоме и с Томском свяжись, что-нибудь подскажут. Нужно усилить юрты Мумышевские, осётр пойдёт, стерлядь, муксун, поэтому давай, Иван Ермолаевич, кровь из носу, но два невода нужны – и план дадим, и своих прокормим.

Хозяйственный Дюков мысль председателя словил на лету. Возможности Мумышева надо развивать! Остяцкие семьи Урбоковых, Тагиных, Чужиных, Тагаевых, Иженбиных крепко сидели на рыболовном деле. Им надо подбросить самоётных лодок, инструмента для чинки сетей, неводов, насытить магазинчик товаром и дела пойдут в гору. Правда, пили, черти, не в меру, тонули, но брали осетра больше, чем Парабельский песок.

– Сладим, Пантелей Куприянович! Сетёшек подброшу одностенных, трёхстенных, сплавных – есть на складах, пусть шире разворачиваются.

– Сдаётся мне, Ермолаевич, десятка два-три людишек подбросим им из выселенцев...

Дюков оторопело глянул на председателя.

– Это каких таких выселенцев, Пантелей Куприянович, уголовников чё ли?

– Хуже, дорогой мой, политических, как при царизме!

– Во-о-он чё, мать её за ногу! Да-а-а-а времена...

– Распорядись-ка мумышеским – пусть поставят пришлым балаганы и пару землянок, а то не управятся и в зиму негде будет жить.

– Разместим, Пантелей Куприянович, и надолго их к нам? – Дюков с интересом взглянул на Погадаева.

– Не трепи нервы, Иван, и так нездоровится! Делай, чё сказал, и молча. Ты же не слепой, посмотри вокруг себя чё делается?..

– ?..

– То-то же!

Глава 3

Пантелей Куприянович Погадаев всё лето мотался по Нарымскому краю, выполняя решения Сибирского краевого исполкома по образованию национальных советов и переселению на Тым остяцкого населения. Северные ли остяки, южные они издавна осели на берегах Парабели, Кенги, Чижипки, Чузика, Кети, имевших пески, охотничьи угодья. Ставили чумы, рыли землянки, обживались, рыбачили, охотничали, не обращая внимания на перемены в политической жизни и приближавшуюся осень.

Погодаев понимал, что зима обернётся серьёзным испытанием для остяцких семей, переживших переселение с насиженных мест. Поэтому, налаживая работу краевой исполнительной власти и туземной, он помышлял о насыщении новых посёлков продовольственным и промышленным товаром. Крайпотребсоюзовские баржи в Нарыме загружались мукой, крупами, солью, сахаром, керосином, спичками, лампами, тканью, инструментом, нехитрой обувью и юркими моторными катерами буксировались к местам компактного проживания инородцев. Баржи швартовались у посёлков, собирая на берегу жителей деревень, и товары сходу расходились по остяцким семьям.

Встретил Пантелей Куприянович и первую партию спецвыселенцев, высланных из Москвы, Ленинградской области и Белоруссии. Печальный осадок остался в душе председателя крайисполкома при виде морально уничтоженных людей: мужчин, женщин, детей, стариков. Распоряжением председателя Сибирского краевого исполнительного комитета Роберта Индриковича Эйхе, их на баржах доставили в Нарымский край из Томска. Измученные жарой и затхлой духотой трюмов зловонных судов, они сошли по трапу на берег Полоя под охраной красноармейцев конвойных войск ГПУ.

Измученные люди, оглядев невидящими глазами серо-жёлтый косогор Парабельской пристани, на котором угадывались избы с перекошенным забором и любопытным людом, кинулись было к реке.

– Стоять, мать твою! Конвой стреляет без предупреждения! Стоять на берегу! – взревел помощник командира взвода Огурцов. – Командиры отделений, ко мне!

Подбежавший к начальнику конвоя младший начальствующий состав, козырнув, выстроился в шеренгу.

– Конечная точка прибытия – Парабель, товарищи командиры, – объявил помкомвзвода с тремя треугольниками на петлицах, – проверить спецконтингент по списочному составу, освободить трюмы от трупов и быть готовыми к передаче контингента местным органам ГПУ. Я свяжусь с начальством. Сидоренко – старший. Вопросы?

– Товариш помичник командира взводу, харчования немає... Потрибна допомога місцевих, инакше перепочинемо все и до Томська не дотягнемо...

– Твою морду, Сидоренко, за раз не обсерешь, а тебе всё мало! Сухари грызи! Ещё вопросы?

– Немає питань.

– Валяй, считай контингент.

Спустившись с крутого яра к берегу пристани, Пантелей Куприянович подошёл к конвойной команде.

– Здравствуйте, товарищи! Председатель Нарымского крайисполкома Погадаев!

– Здравия желаю, – оживился начальник конвоя, – помощник командира взвода Томского конвойного полка ГПУ Огурцов.

Пантелей Куприянович скользнул взглядом по мордастым лицам красноармейцев, вооружённых винтовками с примкнутыми штыками, и решил, что эти парни, в отличие от контингента, который охраняли в пути, успешней перенесли нелёгкий путь по Оби.

Между тем выстроившиеся в шеренги выселенцы, с вожделием смотрели на мутную воду Полоя, изнемогая от жажды и голода. Казалось, ещё немного – и вопреки команде конвоя «стоять на месте» кинутся к илистому берегу речки.

– Дайте людям напиться воды и привести себя в порядок. Нельзя же так, товарищи!

– Не положено, товарищ Погадаев. Передадим вашему ГПУ, а там – хоть не рассветай! Что хотите с ними, то и делайте. Вон, кажется, и представители идут!

С крутого обрыва спускались трое в форме начальствующего состава ГПУ: в фуражках с синими околышами, на защитных рубахах темно-зелёные петлицы. У одного на левом рукаве звезда с двумя квадратами – командир роты, у остальных по квадрату – командиры взводов. Начальство.

– Здравствуйте, товарищи! Начальник Парабельского райотдела ГПУ Смирнов. А вы Погадаев? Пантелей Куприянович?

– Верно, – кивнул Погадаев.

– Здравия желаю, я вас признал по Нарыму. Были у вас на совещании начальствующего состава краевого ГПУ, вы делились с нами вопросами развития края. Интересно было. Вроде глушь, тайга кругом, а много что кроется в них, и надо развивать, осваивать. Богатства, одним словом!

– С ними вот и будем развивать и осваивать, – кивнул Погадаев на изнеможённых людей.

– М-да, – понимая, к чему клонит начальник крайисполкома, согласился чекист, – доходаги.

Подбежал шустрый начальник конвоя с командиром отделения. Козырнув, доложил:

– Товарищ командир роты, спецконтингент в количестве трёхсот пятидесяти человек в ваше распоряжение прибыл. Старший конвойной команды помкомвзвода Огурцов.

– Нияк ни, товарищу помкомвзводу, – вытаращил глаза Сидоренко, – в наявности вже триста сорок шість осиб.

– Утекли в дороге? – насторожился Смирнов.

– Куда утекут, товарищ начальник? Померли в трюмах – два человека мужеского рода, женщина и малое дитё.

– Значит, так, Огурцов, людей у меня нет, все на объектах. Вас ожидали завтра, но ничего! Сколько у тебя красноармейцев?

– Конвой – девятнадцать человек.

– Отлично, дорогой мой! – хлопнул по плечу начальника конвоя Смирнов, – конвоировать спецконтингент всего ничего – километров пять и свободны, а там разберёмся сами. Бежать всё равно некуда – бесполезно, и гнус сожрёт, да и народ у нас ох, как не любит чужаков. Охотники знают тайгу – от них не уйдёшь.

Погадаев решил вмешаться в разговор чекистов, чтобы разобраться с прибывшими людьми и объектом, на который они определены Томским руководством, и соответствует ли это плану, утверждённому им самим неделю назад.

– Товарищ Смирнов, а где председатель райисполкома Братков? – спросил он у чекиста, – мне не понятно, на какой объект направлен спецконтингент? В сопроводительных бумагах ничего такого нет?

– Так точно, товарищ начальник! – вмешался Огурцов, – у нас в сопроводительной значится конечный пункт – Парабель и всё.

Погадаев перевёл взгляд на Смирнова.

– Не могу знать, товарищ Погадаев, – пожал плечами чекист, – мы ожидали их завтра, наверное, и председатель на объекте.

– Что за объект?

– Их вообще-то несколько, но, пожалуй, спецконтингент направлен для строительства кирпичного завода.

– Это, как-то проясняет картину.

Пантелея Куприяновича расстроила организация приёма первой партии выселенцев. «Так не пойдёт, – решил он, – полнейшее отсутствие взаимодействия органов ГПУ с властями по доставке контингента».

Вздыхнув, окинул взглядом безликую массу людей: «Какие из них работяги? Им бы отдохнуть, набраться сил, но где там? Надо строить жильё, подъездные пути, поднимать завод! Подготовиться к зиме».

– Товарищ Смирнов, прошу вас, дайте команду конвою, чтобы люди напились воды, ополоснулись. Чувствуете запах? Антисанитария! Дети малые, женщины не дойдут до объекта, а идти по тайге и болоту несколько километров.

– А что, Огурцов, если спецконтингент хлебнёт водицы? Не возражаешь? – спросил Смирнов у помкомвзвода.

– Не возражаю, товарищ командир роты, если под вашу ответственность, конечно!

– Ты это брось – под мою ответственность! – вскинулся чекист. – Под мою, это, когда приму у тебя. А тут недостача вышла, разобраться надо...

– Однако мысли у них разные, товарищ командир роты...

– Известное дело – разные! Они и у нас с тобой неодинаковые, так, что ли, Огурцов?

– Так точно, товарищ начальник! Сидоренко!

– Тут я, товарищу помкомвзводу! – откликнулся командир отделения.

– Контингент построить в шеренгу по десять! Пересчитать и двадцать минут на моцион!

Но смотри у меня – глаз не спускать!

– Слухаюсь!

Сидоренко козырнул и побежал к измученным людям.

– Слухай мою команду! – гаркнул потомок запорожских казаков. – В колонну по десять – ставай! Живенько! Часу в обрив.

Масса зашевелилась, загалдела, послышался плач детей, матерные команды бригадиров: «Разберись по десять, быстрее, быстрее!».

Погадаев удивился, глядя на живой муравейник из людей, который привычно выполнил команды на построение. Обозначилась первая шеренга, вторая, третья...

– Становись, мать твою! Кто упал! Петров, пройдишь прикладом!

Красноармеец с лоснящимся от пота лицом кинулся в глубину строя.

– Кто тут? Встать! Ну-ка не балуй мне! Встать, говорю!

– Женщине плохо, дайте воды! – послышались голоса.

Люди расступились. На песчано-илистом берегу Полоя лежало тело худенькой женщины в рваненькой блузке, рядышком мальчуган четырёх-пяти годков.

– Вставай, мамка, ну, вставай же, – теребил он плечо упавшей женщины, – дядя с наганом разрешил испить воды.

Конвойный наклонился к женщине, приложив к шее тыльную часть ладони.

– Минус один, товарищ помкомвзвода – мёртвая, – крикнул он начальнику конвоя.

– Так, ёшь твою мать... Ты, ты и вы двое, – Огурцов указал на мужчин-выселенцев, – вынести тело. – Шевелись, мать вашу так!

Четверо мужчин взяли тело несчастной за руки и ноги и вынесли из толпы к начальству.

– Мальчонка остался один, граждане начальники. Её муж умер в теплушке после Урала», – заметил средних лет выселенец, прикрыв лицо усопшей косынкой, снятой с её же плеч.

– Хм, фамилия? – спросил Смирнов.

– Моя?

– Твоя-твоя!

– Мезенцев я, из Ленинграда.

– Забирай мальчонку, на месте разберёмся.

Помкомвзвода Огурцов, решив, что вопросы решены, крикнул:

– Сидоренко, не слышу доклада о наличии контингента!

– Миттю, товаришу помкомвзводу! Ставай! Шикуйсь! Видставити! Раз шеренга, два шеренга, три... Кто бовтається в строю? Дивись у мене! Раз, два, три... Товаришу помкомвзводу, спецконтингент в килькости триста сорока пяти осиб побудований!

Огурцов повернулся к охраняемой группе выселенцев.

– Слу-шать ме-ня вни-мательно! – обратился он к несчастным, рубя слова по слогам, – границы пребывания – слева и справа самоходные катера, пришвартованные к пристани, сзади – линия лодок. Далее, чем в пояс, в воду не входить. Излишне говорить, что конвой стреляет без предупреждения! Двадцать минут на мытьё. Простирнуть одежду и в строй. Время пошло!

Обезумев от жажды, люди кинулись к воде. Падали, вскакивали, бежали, снова падали! Тех, кто рвался первыми, стоптали бежавшие следом.

– Стоять! – заорал Огурцов.

Выхватив из кобуры наган, он выстрелил вверх.

– Лежать и не шевелиться, скоты! Стреляю на поражение!

Распластавшись у кромки воды, люди замерли.

– Медленно ползём к воде! Не дёргаться и без резких движений, а то я нервный и случайно нажму на курок!

Десятки измученных тел, заняв береговую линию от катера и до катера, ползли в хлоплющем иле в Полой – речной рукав, соединявший реки Обь и Парабель. Река в июле мелела, тем не менее, людям хватило места, чтобы, сняв с себя одежды, погрузиться в мутную воду реки. Масса людей приняла вид биологической особи без полового и социального признака. Люди срывали с себя одежды и погружались в живительную влагу, не обращая внимания на обнажённые тела друг дружки.

Погадаев испытал шок. Увиденная картина перевернула в сознание общепринятые человеческие ценности, которые, оказывается, в одних ситуациях совсем не нужны. Есть рабочая сила, которая за глоток воды и миску постного супа будет день и ночь работать в условиях болот, тайги, жесточайшего гнуса. Уже сейчас над барахтавшейся в воде биомассой, издавая звон на одной омерзительной ноте, зависла тёмная туча оводов, слепней, комаров, мошкар. Гнус ожидал выхода людей из воды.

Пантелей Куприянович с болью смотрел на женщин, утративших природное начало – стыдиться своей наготы. Они ничего не видели, не замечали, хватая пригоршнями воду, припадали к ней, как к целебному напитку, понимая, что следующего раза утолить жажду может и не быть. Другие же, насытившись водой, стирали рваное бельишко, кое-какую одежду и ею же натирали тела, очищаясь от грязи. Растирались до крови, не замечая ничего вокруг, кроме счастья ощущения воды, где можно мыться и пить её без конца и края.

– Але-е-е-е-ся, Але-е-е-ся! – раздался вдруг истеричный женский голос. – Где моя доченька? Кто видел? Кудрявенькая...

Обнажённая женщина заломила тонкие руки вверх.

– Она была здесь! Лю-ю-ю-ди!

– В самом деле, где девочка? Посмотрите, – пробасил бородатый мужик, стиравший пахнувший скипидаром армяк.

– Лю-ю-ю-ди-и-и, смотрите-е-е! Моя до-о-о-чь! – задыхалась женщина.

– Сидоренко, что происходит? – крикнул Огурцов, услышав вопль женщины.

– Не могу знати, товаришу помкомвзводу, зараз гляну. А ну, тримай!

Командир отделения кинул винтовку стоявшему рядом красноармейцу.

– Чого кричиш? Що сталося?

Раздвигая руками голые тела выселенцев, он, как был в форме, так и вошёл в воду по колено, потом в пояс. Приблизившись к бившейся в истерике женщина, заорал:

– Чого репетуеш, курва?

– Ребёнок, дитя моё...

– Не кричи, дура! Куди дивилася!

Сидоренко понял, что девочка ушла под воду.

– Де вона була? Хто бачив?

– Здесь, беленькая такая, кудрявенькая, – отозвался бородатый...

– Значиться, так, нырнула, – заключил конвойный. – Потягти плинном не встигло, вона здесь тут... Слухай мене! Розвернутися ланцюгом и вздовж берега – марш! Бригадири? Не чую команд!

– Развернуться цепью, – заорали бригадиры из числа спецконтингента.

– Щупайте дно, тело винесе на вас, – крикнул Сидоренко.

– Какое тело? – заорала мать, вцепившись в командира отделения, – Какое тело? Дай мне девочку мою!

– Гей! Акуратнише, застосу силу! – взревел Сидоренко. – Видвали вид мене! Наступив на щось...

Конвойный наклонился в мутную воду Полоя и вытянул за ножонку ребёнка.

– Алесенька-а-а-а, – заорала мать. – Убью, гад! Убью!

Она кинулась к конвоиру и вцепилась в его горло руками. Не ожидавший атаки озверевшей от горя матери, Сидоренко выпустил ребёнка из рук, не успев заслониться от обезумевшей женщины. Она сбила его с ног и вместе с ним ушла под воду. Народ растерялся, не зная, что делать.

– Помогите ему! – крикнул Огурцов. – Помогите, мать вашу!

Из-за множества голых тел ему не было видно Сидоренко, но, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией и не может ничего поделать, начальник конвоя выхватил наган и выстрелил в воздух.

– Приказываю – помогите Сидоренко!

Услышав стрельбу, люди издали истошный вой и, сбивая с ног ослабевших, женщин, детей, устремились на берег.

– За мной, на баржу, – крикнул Смирнов, верно полагая, что с неё лучше будет видна панорама событий.

Так и случилось! Местные чекисты, помкомвзвода Огурцов и Погадаев забежали по трапу на стоящую рядом баржу, и перед ними открылась жуткая картина. Обнажённые с обезумевшими глазами люди бежали прочь из воды. Растерявшийся было красноармейский конвой, оцетинился штыками винтовок, пытаясь не допустить толпу за пределы границ, обозначенных начальником конвоя. Но поддавшиеся панике люди, смели конвойных у лодок – конечной линии разрешённой площадки и, как были, в чём мать родила, кинулись на высокий яр парабельской пристани.

– Стоять... твою мать! Стоять! Приказываю – ложись! – заревел благим матом Огурцов, стреляя из нагана вверх. – Конвой, слушаю мою команду! По врагам народа – огонь!

Красноармейцы конвойной группы, вне себя от смятения тоже, сделали нестройный залп из винтовок. Эхо выстрелов отрезвило головы спецвыселенцев, рванувших навверх обрыва. Куда там? Сообразив, что не одолеют крутизну яра, упали на землю.

– Товарищ командир роты, что делать? – опомнился Огурцов.

– Так-а-а-ак... Ни хрена себе! – растерянно произнёс Смирнов, поправляя сбившуюся на бок фуражку.

– Ты вот, что, Огурцов... Держи-ка их на мушке, а я поговорю...

– А, если порвут?

– Хм, черти... Могут, – затоптался в нерешительности чекист.

– Товарищи, товарищи, – вмешался Погадаев, – с ними, действительно, надо поговорить и убедить не делать глупостей...

– Кажется, Сидоренко то же самое хотел, – усмехнулся Смирнов, – где он теперь? Сам чёрт не знает!

– А вон – смотрите, товарищи! – кивнул командир взвода Агеев на речку.

Погадаев и чекисты обернулись. Ниже по течению в водяной воронке вращалось обнажённое тело женщины, вцепившейся в толстый загривок Сидоренко. На петлицах защитной рубахи командира конвойного отделения блестели буквы из жёлтого металла ТКП (Томский конвойный полк). Здесь же в адском кругу водоворота совершало обороты тельце девочки, нырявшее под воду поплавком.

– Багор, твою мать! Может, живой, – вскинулся Огурцов.

– Какой живой! – отмахнулся Смирнов, – язык на боку.

– Надо вытаскивать, – заметался начальник конвоя.

– Никуда не денется, достанем. С этими вот, что делать, ума не приложу? – Чекист кивнул на валявшихся в грязи обнажённых людей, – вы хотели с ними поговорить, товарищ Погадаев, может, возьметесь, а мы подстрахуем?

Смирнов выжидательно глянул на Пантелея Куприяновича. Погадаев кивнул.

– Попробую, конечно.

– Стоп-стоп, товарищи, у меня пустой барабан, – оживился Огурцов, нервно доставая из подсумка горсть патронов к револьверу системы «Наган».

– Валяй быстрее, очухаются, хуже будет, – брал в свои руки ситуацию начальник Парабельского райотдела ГПУ Смирнов.

Ему не нравилось развитие событий, за которые придётся отвечать перед начальником краевого ГПУ Калашниковым. Во всяком случае, Владимира Валентиновича придётся информировать докладной запиской о неспособности конвойной группы Томского конвойного полка ГПУ исполнять служебные обязанности. Погиб красноармеец. Вышел из-под контроля спецконтингент, что, не исключено, отразится на настроении населения и может привести к нежелательным последствиям.

– Быстрее, Огурцов, быстрее! – торопил он конвойного начальника, – товарищ Погадаев, готовы? Пойдите к ним, чтобы они видели вас безоружным. Поговорите с ними, успокойте...

– Хорошо, хорошо, иду, товарищи.

Пантелей Куприянович направился к распластавшимся на берегу людям. Сотни обезумевших от паники выселенцев не спускали с него глаз.

– Товарищи, – обратился он к ним.

Горло перехватило спазмом. Прокашлявшись, Пантелей подошёл ближе. Смирнов поправил Погадаева:

– Они – граждане, товарищ Погадаев, граждане.

– Ага...

– Граждане выселенцы, моя фамилия Погадаев, – перевёл, наконец, дух Пантелей Куприянович, – председатель Нарымского краевого исполкома. Вы прибыли в моё распоряжение на строительство объектов...

Справившись с першением в горле, продолжил:

– Ваша группа останется работать в Парабельском районе... Мы вас разместим, обеспечим питанием и организуем уход за детьми. От вас требуется соблюдение трудового дня, дисциплины, норм санитарной гигиены... Дальше – время покажет... Сейчас, товарищи...

извините – граждане, – споткнулся Погадаев на слове, – необходимо пройти пять- шесть километров к месту назначения. Прошу быть внимательными к командам конвоя и выполнять его требования. Красноармейцы люди служивые и действуют в соответствии с инструкцией и напрасные жертвы никому не нужны. Это я вам говорю, как юрист по образованию. «Что ещё сказать? – подумал Погадаев, – нечего».

– У меня всё. Товарищ Смирнов, командуйте.

– Пантелей Куприянович, вон председатель райисполкома бежит – Братков.

– Точно он! Поговорю с ним по объекту, а вы уж, товарищ Смирнов, займитесь контингентом, вечер на носу.

– Разберёмся, товарищ председатель. Огурцов!

– Слушаю!

– Поди сюда!

Представители территориальных и конвойных органов ГПУ, посоветовавшись о порядке конвоирования ссыльных к месту назначения, направились к спецконтингенту.

Подошёл запыхавшийся тучный Братков.

– Здравствуй, Илья Игнатьевич!

– Ох, не могу отдышаться, Пантелей Куприянович! Здравствуйте. Что происходит? Люди голые, стрельба? Чёрт знает, что и думать!

– Здесь «чёрт знает, что» и происходит, уважаемый Илья Игнатьевич! Мне не ясно, почему вы не встретили первую партию выселенцев и не организовали её доставку к месту размещения?

– Пантелей Куприянович, мы их ждали завтра. Завтра!

– Почему не уточнили с Томском время прибытия в Парабель? – всё более раздражался Погадаев, – смотрите на них! Это работники? Нам нужны здоровые, крепкие люди, которые перенесут зимнюю стужу и будут вкалывать на морозе: валить лес, корчевать пни, выжигать пастбища, осваивать посевные поля. Так надо!

Склонный к полноте Братков, развёл руками.

– Больше не повторится, товарищ Погадаев, учтём!

– Куда вы денетесь? – усмехнулся Пантелей Куприянович, – пойдёмте, посмотрим условия перевозки людей в этих «калошах», – кивнул он на пришвартованные к берегу баржи.

Между тем местные чекисты, обсуждая событие, связанное с потерей контроля над ссыльными, справедливо полагали, что ЧП, в том числе и смерть командира конвойного отделения, произошло на их территории, значит, Смирнову отвечать перед начальством за их гибель. Начальник районного ГПУ верно оценил обстановку и, недолго думая, взял управление в свои руки.

– Огурцов, наше руководство с твоим контингентом переговорило. Надеюсь, поняли! Без истерик командуй: всем – встать, одеться и через десять минут быть готовыми к движению колонной. Красноармейцев расставь таким образом, чтобы исключить возможность шмыгнуть в тайгу или болото. Это бесполезный номер, не порвёт медведь – сдохнут от гнуса – так и объясни им. Понятно выражаюсь?

– Так точно, товарищ командир роты!

– Если понятно, действуй!

Начальник конвоя оживился.

– Есть вопросик...

– Слушаю, Огурцов.

– Полагаю, что вы доложите по начальству о происшествии... Понятное дело: гибель командира отделения, выход ситуации из-под контроля...

– Хм, Огурцов, ты мне всё больше нравишься, – усмехнулся Смирнов, – конечно, доложу – письменным рапортом.

– Есть предложение, товарищ командир роты, – воровато оглянулся начальник Томского конвоя.

– Интересно-интересно... Слушаю.

– Мне думается, что Сидоренко погиб, предотвращая попытку массового бегства ссыльных... При исполнении, так сказать, служебных обязанностей...

– Так-так, Огурцов, я, кажется, понимаю, куда ты клонишь...

– Ага! Поняли мысль! – обрадовался помкомвзвода. – Так, по рукам!

– Конечно, по рукам, Огурцов, но... завтра утром!

– Почему? – насторожился конвойный.

– Рапорт начальнику краевого ГПУ я напишу с ранья, понимаешь? По факту приёмки команды спецвыселенцев. Завизируешь его и по рукам! Идёт? – весело рассмеялся Смирнов.

Помкомвзвода сник.

– Не хотелось бы ставить подпись на бумаге, товарищ командир роты... Сами знаете, как в нашей системе...

– Знаю, знаю! – громче прежнего рассмеялся чекист. – Но без подписи нельзя, Огурцов! Сам понимаешь, ЧП на моей территории по твоей вине! А я помогаю тебе, так сказать, бескорыстно! Э-э-э, где наша не пропадала, Огурцов! Не бзди – прорвёмся! Поднимай своих и вперёд! Засветло успеть надо.

– Слушаюсь, – понуро кивнул конвойный начальник и пошёл к красноармейцам, стоявшим с винтовками наперевес.

Смирнов позвал чекистов.

– Агеев, возьми мужиков, багор и вытащи утопленников, – распорядился он, – обойди баржи, трюмы и все трупы сюда. Не тяни резину! Вопросы?

– Никак нет!

– Действуй! Ты, Шилов, оформи протокол происшествия и, чтобы комар носа не подточил – аккуратненько! Конвой «проколотся», ему и «хлепать баланду»! Наше дело – сторона!

– Понял, товарищ начальник!

– Чего стоишь, если понял?

Осмотр барж занял немного времени. Погадаев, Братков и двое красноармейцев из конвоя, выделенных для эвакуации трупов, поднялись по трапу на ближайшую «посудину». Построенная лет двадцать назад баржа много лет служила для перевозки засоленной рыбы в Томск, Новосибирск, населённые пункты по Оби, Кети, Парабели. Она насквозь пропиталась прогорклым запахом рыбьего жира, вызывая тошнотворный рефлекс у местного начальства. Тысячи мух, взяв её плотным кольцом в спадавшей жаре, настырно лезли в трюмы, где когда-то перевозилась рыба, а нынче сотни выселенцев – в Парабель.

– Неужто для людей не нашлось что-нибудь приличней? – ужаснулся Братков, вытирая потную грудь платком. – Четверо суток в могильнике! Женщины, дети...

Сунув руки в карманы, Погадаев, молча, оглядел затхлые внутренности баржи, где угадывалось ленивое движение крыс – тварей, способных жить в невероятных условиях.

– М-да-а-а... Обрадовались рабочей силе, Илья Игнатьевич... Сказывали знающие люди, что при царизме система урядников учитывала все мелочи... Сколько ссыльных прошло через Нарымский край? Тысячи... Ладно. Другие времена... Ты вот чё, – задумчиво произнёс Погадаев, – поддержи их: картохи, хлеба, рыбы – не жалея. Подкорми народ.

– Сделаем, Пантелей Куприянович! Вижу – не работники!

– Ну, лады! Пошли отсюда!

Спустившись на берег Полюя, Пантелей подошёл к красноармейцам, складывающим рядом тела погибших выселенцев. Судя по окровавленному белью ссыльных, винтовочный залп конвоя достиг цели: четверо несчастных были убиты при попытке выскочить за пределы контрольной зоны. Здесь же лежало тело Сидоренко – командира отделения, бесславно утоплен-

ного, потерявшей разум матерью. Женщина с признаками молодости и посиневшими губами лежала рядом. «Такого бугая утащила под воду! – покачал головой Погадаев. – Не иначе всю ненависть выплеснула за унижения».

– Что, гражданин начальник, не нравится? – пристально вглядываясь в Погадаева, спросил тот же самый бородатый мужик в армяке, что находился рядом с женщиной в реке. – Хохловский пёс получил сполна! Пьяным таскал её на корму сильничать. Хоть бы девчужке дал, когда краюшку хлебца. Н-е-е-ет же, сам сжирал, собака, и нас обирал...

– Патох-то кто?

Погадаев удивлённо обернулся. Сзади стоял худенький человечек с широкоскулым лицом, излучавшим беззлобие и желание участвовать в событиях, развернувшихся на берегу Полоя. Ошарашенный вопросом, Пантелей, хотел было грубо ответить невесть откуда взявшемуся остяку, но сдержался, с интересом, рассматривая пришельца. С косынкой на голове, телогрейке, облепленной чешуёй, таких же зачуханных штанах.

– Вот рабочую силу привезли, будем осваивать край. Не все доехали, умерли в пути.

Человек покачал головой.

– Шибко плохо! Мой баба тоже сдох, дети сдох. Шибко плохо. Сапсем один! – голос остяка дрогнул.

– Ты сам откуда будешь? – спросил Пантелей.

– А-а? Мой Пашка... рыпак! Моя тут все знают. Чижарка – знают, Нарым – знают, Каргасок – знают, Парабель – знают, – с чувством достоинства ответил остяк и поинтересовался:

– Твоя кто будет?

– Всё хочешь знать! – вмешался Братков, – вон у дяди спроси, который на барже сидит. Он всё объяснит!

– А-а! Твоя с баржи, – закивал остяк, – а пашто товара нет? Зачем пустой баржа?

– Она не пустая, Павел, – угрюмо заметил Пантелей, – ещё недавно полным-полнёхонькой была, сесть негде, а ты говоришь – товара нет!

– О-ё-ё! – удивился остяк, – зачем так много?

– Я же сказал – строить светлую жизнь, – мрачно бросил Погадаев.

Сокрушённо покачав головой, Пашка отошёл. Пантелей услышал, как дитя природы тихонько запел:

– Что происходит, товарищ начальник? – подбежал Огурцов. – Кулацкая морда на приклад напрашивается?

Бородатый мужик спокойно возразил:

– Извольте, гражданин начальник, если руки чешутся, только я не кулаком буду, а заведующим базой...

– Проворовался, значит, советской власти? Тем хуже...

– Не воровал я, гражданин начальник, государственное не сберёг... Испортилось...

– Стой, Огурцов, – Погадаев одёрнул старшего конвоира. – Продолжайте... Как вас по батюшке?

– Крестили Иваном Щепёткиным, гражданин начальник.

– Женщина кричала: «Алеся» – странное имя, не находите? – поинтересовался Погадаев.

– Они из Белоруссии будут, муж партийный работник, не угодил властям – отправили в Сибирь. И сгнули все, как есть...

– М-да... Командуйте, Огурцов, пора идти.

Конвойная команда выстроила ссыльных в походную колонну. Люди приходили в себя, одевались и, несмотря на вечернюю духоту, «ёжились» от невзгод, свалившихся на плечи.

– Меня не покидает ощущение, Илья Игнатьевич... Пряма и не знаю, как сказать... Упустим организацию прибытия выселенцев, вопросы обеспечения всем необходимым для жизни

и работы, с нас с тобой спросят, причём, не за них, бедолаг! Видишь, чего стоит жизнь? Спросят за выполнение планов, показателей, и спросят строго! Как мыслишь-то, а?

– Мыслю я, Пантелей Куприянович, так... Самому бы не оказаться в этом строю, – произнёс Братков, пряча глаза от Погадаева.

– Тише ты! – одёрнул Пантелей председателя райисполкома, – думай прежде, чем херню городить!

– Полтора десятка человек, как корова языком слизала. Это ж надо?

– Значит, надо, Илья Игнатьевич! Садись на лошадь – и на кирпичный завод. Людей встретишь, накормишь, разместишь! Детишек десятка два наберётся – не больше, устрой в балаган, определи няньку – присмотрит.

– Будет сделано, Пантелей Куприянович!

– И смотри мне: пилы, топоры, ломы вывези к объекту завтра же, организуй складик и всё такое прочее – по учёту. Инструмент нужен будет, ох как его не хватает. И вообще, следуй принципу: расчёт на собственные силы! Всё! Отчаливай!

Колонна выселенцев приготовилась к движению. Огурцов расставил красноармейцев по её периметру и согласовал маршрут движения со Смирновым.

– Давай так, Огурцов! Мой командир взвода пойдёт направляющим. Вы следуйте за ним.

– Идёт, товарищ начальник! Спокойней будет!

– Агеев! Ко мне! – махнул Смирнов помощнику.

– По вашему приказанию прибыл, – козырнул подбежавший чекист.

– В райотдел за лошадь. Приведёшь спецконтингент на место дислокации. Маршрут следующий: пристань – больница – улица Советская и по томскому зимнику к объекту «кирпичный завод». Так он в планах называется, привыкай. Встретит председатель райисполкома Братков, покажет размещение спецконтингента. Вопросы?

– Никак нет!

– Действуй, и смотри – внимательней!

– Будет сделано!

– Тебе, Шилов, особая задача. Организуй мужиков с тремя-четырьмя подводами и, не привлекая внимания сельчан, вывези трупы на кладбище и зарой там. Знаешь где. Лишние разговоры ни к чему! Верно говорю?

– Так точно, товарищ командир роты!

– Действуй, а я пообщаюсь с председателем крайисполкома. Не нравится мне его настроение, приболел, чё ли?

– Приболеешь тут, товарищ командир роты! – ухмыльнулся взводный, – твориться чёрт знает, что! Первые выселенцы... а сколько хлопот?

– То ли ещё будет, Шилов, пожалуй, ты прав, но язык держи за зубами... Умничать вредно для здоровья! Усёк чё ли?

– Так точно!

– Давай!

Колонна двинулась к устью Шонги, впадавшей в Полою. Пантелей помнил о подъёме на яр с выходом на улицу Советскую. По ней лежал путь первой партии ссыльных выселенцев. Парабельцы не без любопытства провожали взглядами осуждённых на поселение людей. «Пригнали за тысячи вёрст неспроста», – говорили глаза чалдонов и попавшихся на пути остяков. Чем же провинились они перед страной, строившей промышленные гиганты: Магнитогорский металлургический комбинат, автозавод ГАЗ, Челябинский тракторный завод, Уральский завод тяжёлого машиностроения, фабрики, гидроэлектростанции? – Так писали в газетах. Чем же оказались неугодными советской власти, строившей светлое будущее через трудовое воспитание людей?

Шаркая обувь, колонна брела по центральной улице Парабели. У церквушки, что справа, произошла заминка. Часть ссыльных остановилась и, повернувшись к храму лицом, осеняла себя крестным знамением, другие, напирая на них сзади, вызвали столпотворение. Это не понравилось конвою. Огурцов занервничал.

– Не останавливаться! Проходи! Проходи!

Колонна шла, провожая взглядом обшарпанную церквушку, словно надеясь, что, пройдя мимо неё, найдут исцеление от бед и несчастий. Не помогло. Под отборный мат и пинки конвой гнал их за населённый пункт, где начиналась тайга.

– Не отставать! Шевелись!

Спустились в низину. Пахнуло болотной жижей, мхом, ягодником, а гнус, звеневший над плотью, озверел совсем. Если на реке, открытых местах тучи комаров, оводов и слепней от людей сдувало ветром, то в тайге и болоте от него не укрыться ничем. Злющие твари с жестокостью жалили плоть, оставляя на теле волдыри, следы укусов. Люди жалкими пожитками укрывали лица, участки тела, чтобы хоть как-то уберечься от невыносимой муки. Не помогало!

От дороги, что вела в направлении Томска, столицы Томского округа, свернули вправо — и вскоре вышли к поляне, где стояли бараки, сколоченные из тёса, горбыля, а далее – балаганы.

– Сто-о-ой! Пришли! – крикнул Агеев, ехавший на лошади направляющим колонны высленцев. Чекист Парабельского райотдела ГПУ развернул лошадь к ссыльным и зычным голосом оповестил:

– Молитесь! Вот она, ваша Голгофа!

Парабель мой, Парабель,
Весь ты извихлялся.
Лавка, сахар не до вес,
Брашка не удался...
Соболь ловим,
Белка бьём.
Бурундук в сельпо сдаём...

Глава 4

Солнышко последним лучиком-мазком скользнуло по лицам несчастных и окрасило в бордово-тревожные тона распластавшийся над ними небосвод. Смеркалось. Сгустившиеся краски уходящего дня, меняя контрасты жутковатых теней, размылись, превращаясь в светлую душную ночь. «Гуу-гуууууу», – вскрикнула неясность и стихла, озираясь в ожидании отклика самки. «Ыы-хыы-гыыыыыы», – отрелила ей болотная сова, пуча глаза на кусты, отделившие поляну от таёжной глуши. Хищники вышли на охоту, выискивая детёнышам пищу, себе и, зачастую, не рассчитав усилий, сами становились добычей более крупных и хитрых зверушек, замыкая цепочки питания животного мира богатого Нарымского края.

Здесь же на таёжной поляне, где неестественным образом угадывались собранные из дощатых щитов бараки, окончился путь в никуда пригнанной в Парабель первой партии ссыльных.

– Эй, народ! Становись! – взмахнул фуражкой Огурцов, помощник командира взвода Томского конвойного полка ГПУ.

Помкомвзвода присел на пень-колоду у кучи стружек и обрезков, оставшихся после сборки барака. Разорванная на части колонна спецвыселенцев, отмахиваясь от проклятого комарья, вышла на поляну, насторожено вглядываясь в хвойный лес, оживший вдруг под напором ветра. Опустив на землю узлы, чемоданы, оставшиеся при себе с дороги на спецпоселение, люди в безмолвии ожидали решения Огурцова.

– Не иначе к грозе? Так что ли, товарищ командир взвода? – нахмурился начальник конвоя, обращаясь к Агееву, гарцевавшему на коне.

– Похоже, Огурцов, – согласился чекист, шурясь на иссиня-тёмную тучу, вылезшую из-за шумевших вершин кедрача.

– Да-а-а, идрит твою налево, невезучий сегодня день, – вздохнул старший конвойный, отирая липкий пот с загривка спины. – Э-э-х, передали бы вам контингент и назад... А та-а-ак, хлебай кисель из дождя...

– Не-е-е, брат, с кондачка не пройдёт. Оформим по порядку: сдал – принял, по стакану — и за следующей партией. Похоже, так и будет. Ещё свидимся, Огурцов. Однако, не нравится мне туча. Вишь, что творится, идрит твою корень?

И верно, росчерком кривых зигзаг полыхнули зарницы, возвещая о приближении ночной грозы. Тревожный вздох громовержца едва слышимым рокотом недовольства прокатился по западу и пошёл дальше, сметая на пути стаи перелётных птиц, не успевших упасть в прибрежную осоку таёжных болот и озёр. Убедительные перекаты урчавшего грома прошли над ссыльными, развеяв сомнения в отношении исключительности вышних сил. Природа ждалась в ожидании стихии, словно предполагая, что светопреставление, наметившееся разразится в ночи, очистит души людей от несправедливости и скверны.

Полыхнуло. Бешеный всплеск молнии разорвал небосвод на куски. Слеплённые вспышкой люди, осеняя себя крестом, упали на колени. Дед Лаврентий зачастил скороговоркой молитву: «Господи Боже наш, утверждаяй гром, и претворяяй молнию, и вся деяй ко спасению дел руку Твоею, призри Твоим человеколюбием, избави нас от всякия скорби, гнева и нужды, и настоящего прещения: возгремел бо еси с небесе Господи, и молнию умножил еси, и смутил еси нас».

Ухнуло с такой силой, что крепкие мужики-бригадиры Мезенцев и Щепёткин, не ожидая милости от судьбы, пали на землю, искоса наблюдая за светопреставлением в взбесившейся ночи.

– Уведём людей от сосны, Иван, ударит молнией – порешит всех! – крикнул Мезенцев Ивану Щепёткину.

– Стой, дуралей! Охрана откроет огонь! Я к Огурцову.

– Давай быстрее!

Щепёткин рванул к начальнику конвоя.

– Гражданин начальник! Щепёткин я, бригадир.

– Куда прёшь, зараза? Стой!

– Товарищ... тьфу, гражданин начальник! Людей поубивает молнией! Уводите от деревьев выше – на открытое место к баракам. Видите, что творится?

– Мать твою ё... Куда вести? Кругом лес.

– Уберите людей к баракам, на поляне безопасней!

– Огурцов, – вмешался Агеев, сдерживая испуганную лошадь, – он правду говорит. Командуй своим убрать людей на чистое место.

Начальник Томского конвоя, вытаращив глаза, дёрнулся к лежавшим на земле людям, вернулся и, заматерившись на чём свет стоит, заорал:

– Конвой, слушай мою команду! Подъём! Людей к баракам! Петров, слышишь меня?

– Так точно, товарищ помкомвзвода, слышу, – откликнулся конвойный с рыхлой фигурой и животиком на выкат.

Назначенный Огурцовым исполнять обязанности командира отделения вместо утопшего Сидоренко, Петров оправдал доверие начальника конвоя.

– Какого хрена торчишь? – вскричал Огурцов. – Вперёд!

Петров кинулся к людям, отдавая команды на бегу:

– Встать! Кому говорю? Встать, живо! Направление движения – бараки! Там – стой и на землю! Шевелись, сволочи!

Люди вскочили, и, сбивая друг друга с ног, кинулись к дощатым сооружениям.

– Хорошо! Хорошо! Шевелись! Конвой, не отставать! Дед, какого хрена сидишь? Встать! Я кому говорю? Встать!

Петров взмахнул прикладом винтовки над головой старика.

– Какого...

И остановил замах оружием пролетарской справедливости, увидев обращённый в Небо иступленный взгляд бедолаги, просившего у Бога нечто для всех, подлежавших обесчеловечению в угодных нехристям условиях. Безумное выражение заросшего лица старца, шептавшего молитву Богу, остановило Петрова от решительных действий. Он остановился перед стоявшим на коленях стариком, вершившего молитву Богу: «Примирился, Благоутробне, к Тебе прибегаем, и богатая щедроты Твоя ниспосли на ны, и помилуй рабы Твоя, яко благ и человеколюбец: да не попалит нас огонь ярости Твоя, ниже да снедает нас ярость молнии и громов Твоих: но обычное Твое употребивый благоутробие, укроти гнев Твой, и в благодатишии воздух преложи, и солнечными лучами належащий мрак разреши, и мглу в тишину претвори. Яко Бог милости, щедрот, и человеколюбия еси, и Тебе славу возсылаем Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

Окончив обращение к Господу, Лаврентий встал и, не замечая вылезших из орбит глаз Петрова, завершил молитвенный обряд уверованием в Добро:

– Всё обойдётся, обойдётся, – и, не спеша, пошёл за людьми, бежавшими к баракам под ослепительные вспышки молний.

– Ну, дед, смотри мне, – новоиспечённый командир конвойного отделения бросился следом за старцем, проклиная службу и нелёгкий денёк, принёсший много хлопот.

Неожиданно ветер прекратился. Молнии ещё бороздили небо, раскраивая его на куски вдоль и поперёк, грохотало так, что, казалось, мир перевернулся... Ни дуновения свежести с реки, приносившей хвойный запах скипидара, ничего, что всколыхнуло бы природу, замершую в ожидании наказания громонебесной стихией за провинность несчастных. Нырнул в дупло неясить, не дождавшись болотной совы. Замер в изумлении кедров.

Туча обволокла полгоризонта, раздался шум, он нарастал, приближался... Воздушная масса гнала перед собой пыль. И началось. На людей обрушился шквал дождевой воды, превратив вничто едва теплившиеся комочки живых существ. Сбившись кучками у бараков, они жались друг к дружке, испытывая неимоверный ужас от разразившейся грозы. Крестились женщины, прикрывая телами детей, метались мужики в темноте, взывая к Господу, чтобы облегчил страдания оказавшихся в неволе людей. И только дед Лаврентий, прижав ладони к груди, стоял под ливнем, принимая на себя неистовство разверзшийся стихии.

– Ничего, обойдётся, всё обойдётся, – шептал бескровными губами старик.

Ночная гроза была мощной, но скоротечной. Шквалистым фронтом прокатившись через Парабель, залитую ливу, грозовой фронт перевалил через Обь и пошёл на Парбы, Ласкино, Лапин Бор, будоража остяцкие юрты, охотничьи заимки, вырывая с корнями деревья. И слабел, помаленьку чах, выплеснув злость на тымско-кетские болота, утих, принеся прохладу в духоту и зной последних дней.

– Дед Лаврентий, чего это? Кричу, кричу, оглох что ли?

Мезенцев подбежал к старику.

– Нет, Александра, с Господом беседовал. Вишь, что делается? Пронесло...

Александр развёл руками.

– Я уж думал, случилось что с нашим старцем, а он с Богом общался. Убьёт молнией, дед, электричество – страшная сила! Слышишь?

Старик пожевал губами.

– Не убило?

Бригадир, ещё находившийся под впечатлением прошедшей грозы, махнул рукой, что объяснять блаженному про электричество, не знавшему ни о плане ГОЭРЛО Ильича, ни о Волховской и Нижегородской гидроэлектростанциях, пущенных в прошлом году?

– Не убило, но в следующий раз, дед, может с грозой не повезти. Сила, неуправляемая человеком.

Лаврентий улыбнулся.

– Силы божьи, Александр, управляются Господом. Он приводит их людям, и отводит от греха.

Дед зябко повёл плечами. Иссякнул вышний подъём старика. Всю дорогу от Ленинграда до Нарымской тайги поддерживал он людей в минуты печали, уныния, безысходности. На первый взгляд дед Лаврентий казался странным. С благодушными голубыми глазами, он чаще сидел, запрокинув голову к небу, шевелил губами, словно беседуя с небесными силами. Кто его знает? Может, они открывали ему пути выхода из сложных положений. Бывало, старик уходил в себя, раскачиваясь высохшим телом в такт одному ему слышимым мелодиям души и тела. Улыбаясь, предсказывал погоду на завтра, неделю, месяц, снимал сглаз, порчу, лечил чирьи. Люди обращались к Лаврентию часто и не только с головной болью, ячменём на глазу, к нему шли за советом и добрым словом.

Мезенцев сдружился с дедом ещё в Ленинграде. Забавная вышла история. Они оказались в одной партии выселенцев, отправляемых в Сибирь до станции Томск. На посадке в теплушку, утеплённый вагон для перевозки лошадей, у Александра, тяжело пережившего события, связанные с арестом и потерей родных, закружилась голова. Ухватившись за предплечье стоявшего рядом человека, он опустился на землю и потерял сознание. Пришёл в себя под стук колёс болтавшегося на рельсах вагона. Первое, что увидел Мезенцев, придя в себя от охвативших его сопереживаний, забытые людьми двухъярусные нары, печка-«буржуйка» с мятой жестяной трубой.

– Очнулся, бедолага? – улыбнулся сидевший рядом дедок и, не ожидая ответа Александра, утвердительно кивнул:

Мужик, наслаждавшийся процессом, данным человеку природой, вероятно, считал естественное не безобразным, продолжая издавать непотребные звуки. Лаврентий, кряхтя, поднялся, и ни Мезенцев, ни охальный мужичонка не заметили, как сапожный ножичек, которым мальчишка выстругивал палку, оказался в руках деда. В следующий момент, заточенное на уголок стальное жало клинка, прижалось остриём к кадыку стервеца.

– Чиркну, и Бог меня простит, паскуда! Вон!

Тёмный мужичонка метнулся в угол, но, видно, урок усвоил плохо. Под утро через храп загнанных в вагон людей Мезенцев услышал возню у параши и, как ему показалось, сдавленный женский вскрик. Он вскочил и бросился через тела людей в конец вагона, где вечером опраивал естественные надобности в приспособленную из ванны парашу. Сквозь брезживший в окошке через колючую проволоку рассвет увидел того самого мужичонку, зажавшего Анисье рот, и сорванную с женщины кофту.

– Ах ты, тварь!

Александр рывком оторвал его от молодой матери и, пнув ногой фанеру, прикрывшую отхожее место, сунул головой в парашу.

– Ешь, скотина пархатая! Ешь!

На этом бы и окончились приключения дрянного мужичонки. Но после назначения Мезенцева старшим вагона, причём, не без участия деда Лаврентия, хитро построившего разговор с командиром конвойной роты, он остался в поле зрения Александра, как ссыльный, требующий особого внимания. Звали мужика Прокопием.

Мезенцеву вспомнились первые дни знакомства с Лаврентием, человеком знающим, полезным в разных ситуациях, как бы жизнь ни закручивала их изначально. За длинную дорогу в Сибирь старик многое поведал ему, испытывая расположение и добрые чувства. Не скрыл и тёмных сторон своей жизни, искренне рассказав о времени, проведённом за уголовные дела в питерских «Крестах», поделился о потаённых духовных чувствах, открывших неугомонный характер. Оказывается, ещё в прошлом веке, ремонтируя в одном из корпусов знаменитой тюрьмы пятиглавую церковь Святого Александра Невского, он приобщился к Богу и уверовал в Господа Иисуса Христа. «С тех пор, – заключил дед Лаврентий в их неспешном разговоре, – его жизнь приобрела иное содержание». Хорошо показал себя тюремному начальству, за что досрочно освобожден от арестантского наказания в виде содержания в одиночной камере. Завязал с уголовным прошлым и посвятил себя служению Богу. Но, видно, чем-то не угодил ему или новой власти большевиков и снова оказался в известных с молодости «Крестах».

После мытарств в питерской тюрьме был отправлен в один из богатейших монастырей царской России, правда, он имел уже иное название – Соловецкий лагерь особого назначения. Его арестантами были белогвардейские офицеры, священники, дворяне, интеллигенция, меньшевики, анархисты, социал-революционеры. Жили в дощатых бараках и землянках впроголодь без медицинской помощи и элементарной одежды. Работали на лесоповале в жёстких условиях производственных заданий. Не выполнил норму за день? Возмездие следовало неотвратимо: холодный карцер, штрафной изолятор, расстрел на месте без разбирательств.

Причём, расстрел, как норма социалистической защиты касался не только буржуазного класса, подлежащего уничтожению, но и уголовного элемента. На Соловки уголовников поставляли регулярно, начиная от несовершеннолетних пацанов, схваченных за кражу во дворах, до известных уроков, вроде Ивана Комиссарова, которого в уголовном мире славили ворами всех мастей. «И всё же, – делился Лаврентий, – ему повезло больше, чем остальным арестантам Соловецкого лагеря». Его, как отработанную и непригодную рабочую силу, с группой возрастных мужчин, которым исполнилось семьдесят и более лет, отправили на материк и выселение в Сибирь. «Иди, дед, по этапу исправлять инакомыслие», – резюмировал председатель комиссии Управления северных лагерей при ОГПУ СССР, выдавая специальный пропуск, дающий право на покидание острова. С тем и оставил Лаврентий Соловецкий монастырь, не подозре-

вая, что его ждёт о-о-о-о какая дорога: пригодятся и навыки, приобретённые в местах принудительного содержания ещё задолго до революционных преобразований в России семнадцатого года.

Мезенцеву вспомнилась дорога в Сибирь не из-за пережитых чувств, связанных с потерей близких, родных – с этой болью смирился, а пониманием неизбежности происходивших в стране процессов. Шло очищение от всего старого, прошлого и сейчас, прибыв в конечный пункт ссылки – Парабельскую тайгу, он пытался свести чувства воедино. Ночная гроза прошла очищением через душу, опять же – не без участия старика Лаврентия, взывавшего к небесным силам, возвестив о начале жизни иными привилегиями, которые следовало блюсти в новых условиях.

Послегрозовая прохлада не принесла успокоения мученикам, как не оправдала надежд на покой и возможность прийти в себя. Комарьё, слепни, мошкара, издавая мерзкий звон, набросились на мокрые тела бедолаг, дразнивших насекомое зверьё запахом крови. Живым покровом облепили людей, жалили через кофты, рубашки, приносили боль и страдания несчастным. Пухли искусанные мордашки детей. Расчёсы укусов ещё больше дразнили остервенелый гнус, не знавший пощады ни к взрослым, ни детям. Матери, как могли, успокаивали малолетних чад, отгоняя комарьё ветками берёзы. Отовсюду слышались испуганно-истерические голоса людей:

– На погибель привезли, сволочи! Палачи!

– Молчать! Приказываю, молчать! – взревел выскочивший из барака Огурцов, решительно применив власть. – Петров, мать твою за ногу, строить людей! Пересчитать и доложить!

– Есть, товарищ начальник, – выскочил вперёд исполняющий обязанности командира конвойного отделения.

Вытаращив глаза и надув щёки до уровня собственных плеч, конвоир скомандовал:

– Спецконтинге-е-е-ент, слушай мою команду! В шеренгу по десять – становись! Конво-о-ой, к исполнению обязанностей – приступить!

Люди зашевелились, послышались голоса бригадиров, призывающих обессиленных людей к построению по «десяткам». Спецконтингент, смирившись с выпавшей судьбой, выстроился колонной. Люди на месте: никто не отстал, не потерялся в тайге. Агеев, курировавший от Парабельского ГПУ обустройство первого в районе спецпоселения, подсказал Огурцову:

– Ты, помкомвзвода решай сам, но прислушайся чё скажу. Официально люди ещё твои, и ты отвечаешь за них головой. Щитовых барачков – пять. В каждый можно засунуть человек по семьдесят, тесновато, конечно, но это лучше, чем оставить на улице. Смекаешь, о чём говорю?

– Ну?

– Вот тебе и «ну»! Охранять легче будет до передачи в наше распоряжение. Думай, голова. Раздели на пять групп по семьдесят человек в каждой и гони в бараки – охрана твоя. Извини, брат, служба есть служба. Парни, вижу, не исхудали у тебя, пусть служат – охраняют. Я поскачу на доклад начальству в Парабель, а ты уж, дружище, разбирайся. Скоро встретимся.

– Угу, – буркнул недовольно Огурцов.

Агеев хлестнул коня и поскакал в райцентр на доклад к Смирнову. Утром, искусанные гнусом, чуть вздремнувшие люди, вышли по команде Огурцова из барачков, здесь же, сходили в отхожее место и перекусили из дорожных запасов. Солнце после ночной грозы, как ни в чём не бывало грело теплом, гнус отступил в кусты, траву, давая людям прийти в себя от кошмарной ночи. Вскоре на резвой лошадёнке прискакал всё тот же Агеев и скомандовал Огурцову:

– Строй спецконтингент, товарищ помкомвзвода. Начальство жалует – само.

Агеев был в хорошем настроении, радовался, что с прибытием в Парабель выселенцев, разнообразие в его обязанностях дарует ему привлекательную особенность. Его прямое началь-

ство – Смирнов, вероятней всего, будет меньше привлекать на розыск и ликвидацию остатков колчаковского отребья, всё ещё казавшего зубы из таёжных заимок, освободит от засад, нацеленных на поимку кулацкого элемента, имевшего место в Парабели. «А уж с этими я разберусь», – думал Григорий Агеев, гарцуя на лошади перед спецконтингентом.

– Живей, Огурцов, живей, начальство на подходе.

И действительно из лесной чащи на поляну выехало несколько всадников, бричек, запряжённых парой лошадей. Они подъехали к щитовым баракам, возле которых конвой выстроил, прибывших в Парабель ссыльных. Всматриваясь в прибывшее начальство, люди кое-кого узнали по событиям вчерашнего дня на берегу Полоя. Знакомыми оказались Братков, председатель Парабельского райисполкома, человек полный, с одышкой, явно мучившийся болезнями, приобретёнными в Нарымском крае не от сладкой службы во власти.

Тяжело выбравшись из брички-телеги с каркасом, накрытым брезентом, Илья Игнатьевич с некоторым страхом изучал стоявших перед ним людей. Всё ещё не высохшая за ночь одежда спецконтингента прилипла к телу, едва прикрывая искусанную плоть измученного за дорогу народа. Среди прибывших был Смирнов, начальник Парабельского райотдела ГПУ, подтянутый, со смешливо-ироничным взглядом молодой человек с несколькими чекистами в форме. Остальные представители власти были людям ещё незнакомы. Этот недостаток оказался пустой формальностью, руководство дальнейшим развитием событий взял на себя Виктор Иванович Смирнов.

– Граждане ссыльные, – обратился он к людям, приходившим в себя от событий на строившейся Парабельской пристани, – как вы уже знаете, конечный пункт пребывания – объект «кирпичный завод». Именно здесь вам предстоит обустроиться самим и одновременно возвести объекты социалистического строительства, о которых подробнее расскажет, знакомьтесь – Илья Игнатьевич Братков. Не скрою: оставьте в сторону дурные намерения о побеге, либо других вольностях, о которых, возможно, думаете, оказавшись в условиях Нарымского края. Во-первых, бежать некуда. На сотни километров непроходимая тайга, гнус, медведи, отсутствие возможности выжить, как летом, так и зимой, когда температура мороза переваливает за сорок градусов. Во-вторых, местное население – все поголовно охотники, следопыты, стрелки и не любят пришлых. Живыми брать не будут. Если даже такие добродетели найдутся, карающие органы ГПУ, стоящие на защите советской власти, исправят положение дел в соответствии с имеющимся у них правом при попытке к бегству. Граждане выселенцы, наши правила понятны?

В нём чувствовался бойцовский характер командира и уверенного в себе человека. Поэтому Виктор Иванович, не церемонясь, ставил все точки над «и» решительно и бесповоротно.

– Таким образом, граждане ссыльные, представляю вам коменданта Парабельской районной спецкомендатуры – Арестова.

На каурой кобыле к Смирнову подъехал средних лет худощавый мужчина в форме и кобурой на боку.

– Николай Васильевич с виду простой, но жёсткий человек, всю гражданскую отвоевал в Красной Армии по уничтожению колчаковских полчищ. Представляю слово ему.

Арестов без предисловий скомандовал:

– Голещихин! Ко мне!

На старенькой кобылке подъехал небритый человек в форме и явными следами бурной жизни на лице в прошлом и, без сомнения, нынче тоже.

– Вот ваша власть, граждане ссыльные! Голещихин Фёдор Иванович – комендант посёлка, ваш Бог, отец и царь. Я внятно выражаюсь?

Тишина среди прибывшего спецконтингента означала абсолютное понимание установки, определённой начальником Парабельского отдела ГПУ и начальником районной спецкомендатуры. В своём отношении к ссыльным они были солидарны во всём.

Глава 5

Рваные космы облачной пелены, цепляя макушки хвойного леса, окружавшего с незапамятных времён посёлок Марченки, с ливнями ушли на восток. Иней «черёмуховых» заморозков, лизнув пойму реки с интересным названием Горожанка, уступил место погожим денькам, вселяя надежды сельчан на смену ненастья летней порой. Слава Богу, на дерново-подзолистых почвах крестьянских хозяйств взошли зерновые, бульба, разная мелочь, обещающая видный урожай.

Весной 1926 года бушевали медоносы! Пчелиные семьи сходили с ума от белого покрывала цветущих яблонь, слив, черёмухи, шалфея. Взбодраженные нектаром цветов звенели, гудели, собирая аромат майского церковного мёда. Тепло забиралось в топи болот, угождая лесов, иссушая влагу с прелой листвы, через которую лезли лисички, маслята, моховики, белые, польские, зеленушки, опята. Подавались они белорусами на стол из погребов к напиткам в запотевших сосудах – с гвоздичкой, перчиком, лучком колечками.

Ещё не парило. Спины девчат, щебетавших под розовым цветом пьянящей сирени, обдавало сиверком – ветром с озёр, череда которых раскинулась за сосновым бором. Озябнув, они бежали в клуб молодёжи, открытый комсомольской ячейкой в пятистенке бежавшего в Палестины мироеда. И – о чудеса! Гостиная еврейского «кровососа», где хоть вешай топор от куривших самокрутки парней, становилась местом отдыха молодёжи. Под звонкий смех и переборы гармошки парни с девчатами «откидывали» такие коленца – закачаешься!

Богатую озёрами и хвойными лесами, чёрной ольхой, осиной, дубом территорию Городокского района населяли кабаны, лоси, косули, рыси, волки, лисы, зайцы. Охотники не гнушались тетеревом, глухарём, рябчиком, выставляя петли, силки и капканы. В пищу годилось всё, что кормило чумазных детишек, метавших на улицах бабки.

Минуло лихолетье мировой войны, революционных свершений. Партия ставила задачи социалистического строительства, подъём промышленности, сельского хозяйства. На установки партийных органов районная власть реагировала с присущим ей энтузиазмом, куражом, принимая к неукоснительному исполнению сверху поручения, директивы, резолюции. Было о чём задуматься первому секретарю Городокского райкома партии Мелентию Тадеушевичу Акимову. Несмотря на успешную посевную, проведённую из собственного семенного фонда, и выполнение спущенных округом показателей, спокойствия не было. Бодрый доклад заведующего сельхозотделом райкома партии Сыся Янушкевича о видах на урожай не добавили оптимизма в тягостные думы Акимова. Милентий Тадеушевич ведал тонкостями посевной, пропуская через руки едва ли не все семена, подготовленные к высадке в почву. Беспokoил лён.

– Милентий, лён – стратегическое сырьё, – стучал кулаком по столу первый секретарь Витебского окружного комитета ВКП (б) Иван Рыжов после заседания окружкома. – Я это заявляю от имени партии!

– Делаем всё, что в наших силах, Иван Павлович! Действуют резервы, комсомольские ячейки, днями и ночами трудятся на полях мальцы, девчата.

– Не заговаривай мне зубы – ма-альцы, девча-а-ата! «Песни» свои оставь для Лейзера Янкелевича Шкляра. Нужен результат, Милентий! Ре-зуль-тат! Как решается вопрос с синагогой? Изъял под зерно?

– Вы ж знаете, товарищ первый секретарь...

– Ничего не знаю и знать не хочу, Милентий! Под крышу зерно! И лён! Лён требует особого подхода! Слышишь меня? – О-со-бо-го! Тверьские готовы к посеву! Звонили скобари, интересовались – тоже порядок! Что мешает развернуться тебе – косая сажень в плечах, а?

– Так ведь...

– Значит, так, Милентий! – «заиграл» желваками Рыжов, – посевную льна начнёшь с Оленина дня. Читай уголовный кодекс, дурья башка... Приняли в прошлом году... Что в республике делается? Ведаешь? Начальник ГПУ ходит вокруг да около! Скольких «под микитки взяли»? Имей в виду, что за срыв кооперации мера социальной защиты – расстрел! Понимаешь ли это? – зловеще выдохнул Первый, склонившись к лицу Акимова. – На расширенном заседании бюро ЦК меня вызывал на беседу председатель ГПУ товарищ Пилляр!

– Понимаю, Иван Павлович, – Акимов опустил плечи, – с льном справимся, специалисты есть – разгребём! С синагогами сложнее...

– В-о-о-он оно в чём дело! Синагоги не по плечу? Хватит евреям читать молитвы и Тору! В работу для укрепления советской власти! Иначе в отдалённые уголки Сибири! Мы с тобой в 1916 году под Сморгонью за что давились немецким хлором? «Золотую горку» помнишь? Сколько мальцев из крестьянских семей задохнулось в жёлтом дыму? Считал?

– Когда ж это было...

– Но было! А в 18-м что? Уезд голодал! Эпидемия, беженцы, дети! Партия нас с тобой направила в Смоленск за хлебом и мукой? Евреи же взвинтили цены на питание! Наживались! Сколько западных беженцев поглотило с голодухи? А? Как решали вопросы с сынами Иудей? О-о-о! Маузером и наганом! Комитет бедноты помог!

– Это ж была необходимость! Революционная!

– Стоп-стоп, Милентий Тадеушевич! Не передёргивай! Говоришь необходимость? Революционная? Враги окружают страну не только из-вне, их много здесь, рядом с нами! Что говорил товарищ Сталин на XIV съезде партии в политическом отчёте Центрального Комитета? Или забыл? – насупил брови Рыжов. – Напомню! Товарищ Сталин указывал на проведение политики мира, вместе с тем на укрепление обороноспособности СССР! Чем Каменев и Зиновьев ответили?

– Выступили против линии партии!

– Во-о-от! Против линии партии! Что они сделали? Ленинградскую партийную организацию превратили в опорный пункт борьбы с ЦК. Мыслимо ли это? А ты – синагога! На хрен! Под склады с зерном! Ещё в двадцать втором губисполком вынес распоряжение по синагогам – забрать! У тебя их в Городке восемь штук – солить собираешься что ли?

– У меня три тыщи евреев, Иван Павлович! Сорок процентов населения справляют религиозные обряды, празднуют. Куда их деть?

– Проредить! Мироеды! Когда со своими евреями прекратишь играть?

– С каких пор, Палыч, евреи стали моими?

Смахнув с дряхлеющей шеи пот, Рыжов, оглянувшись на дверь кабинета.

– Сигнал поступил, дорогой товарищ... Угу... Благоволишь, мол, им, на должности ставишь...

– Выдвигаю по аттестациям и рекомендациям, – взорвался Акимов.

– Т-с-с, чудак-человек! Ещё в партию дай рекомендации! Плачет по тебе сибирская тайга, Милентий! Ну, создал же в Городке кредитное сельхозтоварищество «Земляроб»? Партия сказала спасибо – помощь хозяйствам! Открыл в прошлом году маслозавод? Тоже плюс, люди не голодают, кушают сырок. А по какому принципу, Милентий, выдвигаешь назначенцев на ответственные должности – не знаю! – пожал плечами Первый. – Недалече, кто у тебя возглавлял районную милицию?

– Ришман, – поёжился Акимов, понимая, куда клонит Первый.

– О-о-о, Ришман! Где он сейчас, товарищ первый секретарь райкома партии?

– ?...

– Отвечу! В Северной области под Вологдой «косит» пилой тридцатиметровую «пшеницу» – строевой лес на шпалы в соответствии с правом ОГПУ на высылку сроком на три года как неблагонадёжного. А та-а-а-м ещё десять лет «припаяют»! Следующий вопрос, Милентий!

Кого ты утвердил начальником милиции после Ришмана в связи с «длительной командировкой» последнего?

Не зная, каким образом сгладить острый момент в еврейском вопросе, Акимов пожал плечами.

– Шульц...

– Шу-у-ульц? Издеваешься надо мной, Милентий? Когда научишься жизни? Немно-о-о-го! Ведь пятый десяток шарахнул! – вскинул косматые брови первый секретарь окружкома КП (б) Б. – Слушай. В этом же двадцать пятом году товарищ Сталин предложил съезду партии программу вовлечения среднего крестьянства в строительство социализма через кооперацию. Что он подчеркнул? Для умников, как ты цитирую: «Если беднота и, прежде всего, батраки являются опорой рабочего класса в деревне, то середняк должен быть его прочным союзником». То есть, в сельском хозяйстве назревает революция! – выпучил глаза Рыжов! – понимаешь текущий момент?

– Понимаю, Иван Павлович, – вздохнул Акимов.

– И опять же, возвращаясь к синагогам. Думаешь, что Каменев и Зиновьев – тьфу, «новая оппозиция» и всё? Не-е-е-т, Милентий! Зри глубже: первый из Розенфельдов будет, второй – Радомысльский, по матери – Апфельбаум. Вникаешь, куда клоню? – прохрипел Первый, навалившись грудью на стол.

– Куда клоните не вооружённым глазом видно, Иван Павлович! А вот откуда зарядились этим посылом, ещё «допетрить» надо!

Глаза Рыжова налились кровью.

– Уж, «допетри», Милентий, сделай милость! Время такое! Руководящих инструкций не читаешь, поэтому «подкован» так-сяк. Между прочим, гляди меж строчек... Загля-я-ядывай! Текущий момент, понимаешь? Пошлю к тебе заведующего общим отделом поработать с активом района. Иначе, вижу, беды не оберётся!

– Присылайте, Иван Павлович, встретим хлебом-солью! Удобрений бы подкинули под лён – нужнее будет...

– Удобрений ему, хэх! Доиграешься у меня! Ох, доиграешься! Гни линию партии и тyani партийную «лямку», как положено! Слышишь меня?

– Слышу, Палыч!

– То-то же! Ладно, будя! Как там Янина, Вацлав, Агнеся? Малец-то, слышал, молодёжным «Коминтерном» заправляет? Видишь, приспособил синагогу под клуб – молодец! Молодёжь развивается! Сколько ему?

– Восемнадцать уже – всё с комсомолом. Янина – ничего, мотается по району, Агнеська растёт, – оживился Акимов.

– Ты вот что! Мальца-то направляй в институт. Понимаешь?

– Так это...

– Не перечь, Милентий! Суди сам, обучение по циклам... Выберет по душе! Образование высшее. Чего думать? Посылай!

– Спасибо за поддержку, Иван Павлович!

– Пока не за что! Сочтёмся! А я один... Схоронил в прошлом году Казимиру, так и живу бобылём... Своих-то береги! И прошу тебя, Милентий, не забывай: партия – наш рулевой. Иди с ней в русле, выпадешь из него – пропадёшь к чёртовой матери без права переписки... И я не помогу: сам хожу под Богом! Имей в виду: назревают события... Хочу поделиться с тобой, но «грузить» не буду! Через некоторое время. Держи нос по ветру, – изрёк в завершение Первый.

На том и расстались партийные руководители Придвинских территорий: Иван Рыжов – первый секретарь Витебского окружкома КП (б) Белоруссии и Милентий Акимов – первый секретарь Городокского районного комитета партии.

Возвращаясь по Ленинградскому тракту в район, Милентий Тадеушевич испытывал тревогу. Ехал с тяжёлым осадком в душе, лениво понукая лошадь, запряжённую в бричку. Пенять на Рыжова нечего, его товарища по мировой войне и революционным событиям в Придвинье, к бабке не ходи, терзало ЦК республики. И всё же беспокойство Акимова исходило из сферы, напрямую не связанной с его партийной или хозяйственной деятельностью: за эти направления он спокоен. На последнем заседании окружкома партии выдвинул предложения по развитию района и получил одобрение. Сегодня в беседе с Первым подтвердил свои намерения. Его смущала позиция партийных органов власти в однобоком, с его точки зрения, подходе к еврейскому вопросу. «Скорее всего, – думалось Акимову, – Рыжов следовал установке сверху и как опытный руководитель проводил её в жизнь не в публичной политике на парткомах, собраниях, конференциях, а при встречах с руководителями территорий – персонально».

Циркуляра из Минска в виде директивы, постановления, резолюции в районы не поступало, значит, решение по еврейской теме ЦК КП (б) БССР принималось на закрытом заседании бюро! Какие из этого следуют выводы, можно догадываться, но первый секретарь окружкома партии намекнул, что еврейский вопрос во внутренней политике советского государства выделен Центральным Комитетом ВКП (б) в особую линию партии.

От этой мысли и было тягостно на душе Милентия Тадеушевича. «Ишь, закрутили с евреями-то! М-да-а-а... Будь оно не ладно!». И, хлебнув из бутылки бимбера польской выдержки, приготовленного Адамусем Андроником, приятелем-беженцем мировой войны из-под Гродно, повеселел.

Акимова в Городке беспокоили две синагоги: каменные, или, как их называли прихожане – «Первая» и «Вторая». «Первую» именовали ещё и «Старой». Обе находились во дворе 2-й Большой улицы и в жизни иудейской общины имели огромное значение. Особенно «Старая». В ней находились резные арон-кодеш и бима – ковчег для хранения свитков Торы и кафедра, выполненные ещё в стародавние времена, что и определило их раритетность. Перенос ценных предметов иудейского культа в другое здание, по мнению прихожан семи официально зарегистрированных в Городке еврейских общин, привёл бы к их повреждению.

Прихожане «Старой» синагоги предложили окружным властям, если ими принято решение сделать из синагоги клуб, открыть его во второй синагоге, которая находилась по соседству со «Старой». Вход в неё был с улицы, что обеспечивало удобство посещения клуба всеми желающими. В «Старую» синагогу вход обращён со двора, что создавало определённые неудобства для его посещения. Так считал и Акимов.

Власти губернии ещё 1923 году планировали сделать клуб для досуга молодёжи в каменной «Старой» синагоге, но вмешался отдел народного просвещения и признал решение нецелесообразным, объяснив руководству, что эта синагога единственная приспособленная для совершения обрядов иудейской религии.

В Городке были ещё синагоги: три из них – на улице Невельской, одна называлась «Мясницкой», на улице Володарского – «Бошэс», на Пролетарской тоже. С иврита синагога – Бет Кнессет – переводилась, как «дом собраний», и в жизни иудеев имела более широкое значение, чем храм в православии или костёл в католицизме. В синагоге иудеи молились, читали Тору, учились, но и проводили собрания, праздники, общались. В этом отношении синагога открывала двери для разнообразных сфер деятельности.

Трёхтысячная еврейская община играла существенную роль в жизни Городокского района: в торговом, ремесленном деле, кустарном производстве. Евреи заведовали отделами райкома, состояли инструкторами, руководили промышленными и ремесленными предприятиями. Занимались лесопильным и кожевенным промыслом, розничной торговлей, скупкой сельскохозяйственной продукции: льна, пеньки, щетины – и через евреев-скупщиков продавали евреям-купцам, торговавшим с границей. Претензий по работе к ним Милентий Тадеушевич предъявлял не больше, чем таковые имелись к иным национальным меньшинствам.

В вопросах же кадровой дисциплины он исходил, прежде всего, из полезности людей на рабочем месте, не особенно вникая в их национальную или конфессиональную принадлежность. Вместе работали, воевали, перебиваясь краюшкой хлеба, но и поднимались: ладили производство, растили хлеб, скотину, валили лес. В районе работали лесопильные, кирпичные, гончарные, смолокурные, винодельные заводы. Имелся маслозавод, льнозавод, мельницы, бондарные, швейные, трикотажные, кузнечно-слесарные мастерские. Работала тракторная колонна – предмет особого внимания Акимова. Он мыслил оборудовать её в машинно-тракторную станцию, чтобы технику иметь к своим услугам в одном месте: ремонтировать, обслуживать, заправлять. Действовали школы, больницы, фельдшерско-акушерские пункты, торговые точки. Однако ничего не попишешь! Руководителями этих предприятий в основном были представители еврейской национальности. Руководили успешно! С умом! Рачительно!

Окружное начальство знало о повальном пьянстве, имевшем место среди ремесленников, кустарей, рабочих, крестьян. Еврейская же община проблем с зелёным змием не имела! Её известный лидер Лейзер Абрамович Шкляр разводил руками, мол, люди у него ответственные, совестливые и религиозные. Испытывая не меньшие трудности, чем остальные национальности, проживающие в районе, еврейская община с пониманием относилась к новым веяниям советской власти. Трудилась! Какие претензии?

Милентий докладывал в округ о высокой смертности среди населения, детского в том числе: не хватало лекарств, специалистов врачебных профессий. Вносил предложения о борьбе с культурным и образовательным невежеством. И опять же, вынужден был ставить в руководство этих направлений лиц еврейской национальности, как наиболее образованных, способных, надёжных! «Может, это по Гегелю, как закон диалектики?», – иногда задумывался Милентий Тадеушевич, согласовывая очередные кандидатуры на вакансии заведующих, начальников, директоров, специалистов. Таким образом, в глазах еврейской общины Акимов слыл человеком прагматичным, хотел того или нет, отражающим её интересы, и пользовался уважением раввинов.

Чем не паритет взаимоотношений между районной властью и иудейскими приходами, результатом которых решилось обращение в оборот государства двух синагог? Сей акт нашёл официальное отражение в «Ведомости учёта имущества, находящегося в ведении религиозных обществ, расположенных в Городке». В одной из них открылся молодёжный клуб «Коминтерн», которым руководил сын Акимова – Вацлав, член комсомольской ячейки района. В другой община справляла религиозные обряды, испытывая к руководителю района доверительные отношения.

Акимов знал, что евреи не везде с энтузиазмом отдавали свои святыни государству. Недавно расформированные части особого назначения (ЧОН) или, как их называли – «коммунистические дружины», «военно-партийные» при заводских партийных ячейках районных, городских, уездных и губернских комитетах партии, созданные на основании постановления ЦК от 1919 года для помощи Советской власти в борьбе с контрреволюцией, подавляли волнения верующих при экспроприациях синагог и храмов. У Акимова деликатный вопрос с изъятием объектов религиозного культа решился плавно, без крови и репрессий! Его, как партийного руководителя района, интересовали деловые и организаторские способности кадров, которых он лично расставлял на участки и направления работы. Национальность для него принципиального не имела значения. Сам Милентий был из интернациональной семьи: сыном отца – поляка и матери – белоруски, не испытывая при этом ни морального, ни психологического дискомфорта. Свободно владел польским, белорусским, знал еврейский язык будней – идиш, понимал иврит – язык молитвы, философии и бесед, таким образом, в еврейской общине слыл своим человеком. [отряды РКП \(б\)](#)

Сдержанный на работе, в общении с людьми, быту, Милентий, бывало, приняв чарку бимбера, в котором плавилась уздечка из сыромятины, терял над собою контроль. В такие

минуты ему казалось, что теория перманентной революции товарища Троцкого, как двигательная сила революционного процесса в других странах, имела право на жизнь! Вопреки всему святому и тому, что товарищ Сталин по этому вопросу имел иное мнение, Милентий Тадеушевич мыслил шире – в планетарном масштабе. Почему нет? Ноябрьская революция 1918 года в Германии сделала её Республикой. Революция в 1918 – 1919 годов в Венгрии привела к созданию правительства левых, и опять же – страна стала Республикой. И вперёд! На баррикады! Мог лишнего наговорить Акимов после чарки проверенного в боях напитка – о-о-о! Останавливали товарищи, сдерживали. На следующие утро, как ни в чём не бывало, Милентий Тадеушевич ехал в артели, поля, илорамы, и от вчерашнего всплеска эмоций не оставалось следа.

Лейба Давидович Бронштейн-Троцкий кумиром Акимова не был. Но в лихие революционные годы, когда в Придвинском крае «огнём и мечом» устанавливалась советская власть, ему пришлось по вкусу слова Троцкого, сказанные на заседании реввоенсовета и опубликованные в газете «Правда»: «Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя. Нам нужен штык там, чтобы сидеть здесь... Вся эта мещанская сволочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна, будет с нами... Мелкобуржуазная масса ищет силы, которой она должна подчиняться. Кто не понимает этого – тот не понимает ничего в мире, ещё меньше – в государственном аппарате».

«В чём не прав еврей Бронштейн?» – размышлял Акимов. – На штыках – и никаких гвоздей! Сегодня Рыжов напомнил ему о наведении революционного порядка наганом и маузером. Хотя стоп! Разберёмся! Товарищ Сталин при поддержке Бухарина вывел Троцкого из состава Политбюро ЦК. «Объединённая оппозиция» во главе с Троцким, – писалось в газете «Правда», – вела критику разработанной Сталиным в противовес «мировой революции» – доктрины «построения социализма в одной стране», требовала проведения в СССР «сверхиндустриализации», «повернуть огонь направо – против нэпмана, кулака и бюрократа. Бухарин, в свою очередь, обвинил оппозиционеров в намерении «огрбить деревню» и в насаждении «внутреннего колониализма».

Такая же история случилась и с Евсеём-Герши Радомысльским- Зиновьевым. Буквально на днях, в апреле, его вывели из ЦК, членом которого он был с , исключили из партии и выслал вон. Сторонники Зиновьева не остались в стороне и тоже понесли наказания по партийной и служебной линиям. [1926 года](#) [1907 года](#)

Из Политбюро и Президиума ЦИК СССР был выведен и Лев Рóзенфельд-Каменев. «Чёрт знает, что творится, – прохрипел Акимов, подсунув под спину охапку сена. Выходит, еврейский вопрос в политической жизни страны лежал на поверхности: Троцкий, Зиновьев, Каменев – три еврея «богатыря-новатора»! Ай-я-яй! Ну, родимые, шевелись, – стегнул вожжами лошадей.

«Что же получается? – мыслил дальше Милентий Тадеушевич, – в ближайшее время еврейская тема выйдет на уровни партийной власти, ей найдётся обсуждение в критике, самокритике, потери бдительности! Захлестнёт волной глубинку. Кто не успеет отскочить или пригнуться, сметёт революционным ураганом! Рыжов знал, что делал, настучав по моей голове за либерализм к еврейской общине. Эх, грехи, мои тяжкие! Когда это кончится?» – вздохнул Милентий Тадеушевич, приложившись к бутылки.

Купалінка-купалінка,
Цёмная ночка...
Цёмная ночка, дзе ж твая дочка?

Мая дочка у садочку
Ружу, ружу поліць,
Ружу, ружу поліць,

Белы ручкі коліць.

Кветачкі рвець, кветачкі рвець,
Вяночки звівае,
Вяночки звівае,
Слёзкі пралівае.

Купалінка-купалінка,
Цёмная ночка...
Цёмная ночка, дзе ж твая дочка?

Дзе ні едзем, дзе ні йдзём, —
Карчмы не мінаем.
Як працуем – то не п'ём,
А ў гасцях гуляем.

Чарка на пасашок —
На марозе кажуюшок.
А за ёй чарговая
Чарка аглаблёвая.

І няма такога дня

Каб было без свята.
Што ні госці – то радня,
Не пусцее хата.

Эх, славянскае жыццё —
Стрэчы ды растанні.
Пасля чаркі забыццё,
Потым – пакаянне.

Незаметно дорога привела домой, к рублёной прошлым летом хате с пристройками и незатейливым огородиком.

– Адчынаяй жонка, муж прыехаў! – крикнул Милентий, привязывая лошадь к изгороди дворовой пристройки.

Он слышал, как в сенцах гремела Янина, нащупывая задвижку двери.

– Чую! Дзе цябе чэрці носяць да раніцы?

– Прымай, потым! Падшыванца на месцы?

– Вацлаў ў клубе, Агнеся спіць!

– Добра! Вячэраць не буду! Спаць! Потым раскажу!

– Ох, горое маё, горкае! Ідзі уж!

Милентий жил с супругой в семейном согласии и по партийной линии – тоже. После прихода с войны, Янина разделила с ним неугомную жизнь и в период революционных преобразований, родила сына, дочь, не мучила упрёками. Удачная сложилась у них семья и общая позиция по вопросам, связанным с жизнью в районе, борьбой с невежеством в просвещении и вероисповедании.

Глава 6

Янина Адамовна Акимова работала инспектором в отделе просвещения Городокского райкома партии. Используя классовый, рабоче-крестьянский подход в воспитании народных масс, несла в них культурное просвещение: открывала избы-читальни, клубы, библиотеки, выступала с лекциями перед населением. Комплектовала белорусские, еврейские, русские, польские школы.

Сегодня посетила местечко Езерище и посёлок Марченки. Отвезла в фонды библиотек книги и, пользуясь случаем, согласилась принять участие в расширенном заседании комсомольской ячейки. В повестку дня комсомольского собрания был включён вопрос о политике белорусизации в республике, принятой II сессией Центрального исполнительного комитета БССР от 15 июля 1924 года. Белорусизация была официально провозглашена в качестве государственной политики, однако вызвала много вопросов у других национальных меньшинств. Поэтому Янина Адамовна согласилась на просьбу секретаря комсомольской ячейки Стаса Бурачёнка, чтобы обсудить с молодёжью линию Центрального комитета партии большевиков в столь деликатном вопросе.

В клубе, где планировалось заседание ячейки, Янину Адамовну встретил секретарь комсомольской ячейки.

– Скажу табе, Стас, часу ў мяне не шмат. Пасля працы зьбяры хлопцаў у бібліятэцы. Я хачу, каб у нас атрымалася размова, а ня вечар пытанняў і адказаў. Дамовіліся?

– Будзе выканана, Яніна Адамаўна, – отрапортовал шустрый малец, улыбнувшись инспектору из района.

– А можна я «Падцягнуся» не саюзную моладзь? Хлопцам цікава паслухаць.

– Ну, вядома, кліч! Пагаворым з імі і на прадмет ўступлення ў камсамол.

– Сапраўды! Я і не здагадаўся!

– Дзейнічай, я буду ў габрэўскай школе. Дарэчы, як там з «першасную арганізацыю»?

– Працуем, Яніна Адамаўна, – замялся секретарь.

– Што значыць, працуем? А вынік?

– ?..

– Значыць, так! На лекцыю прыходзіш з планам работы суполкі на год. Паглядзім вашы перспектывы і гарызонты ў агляднай будучыні. Баявітасці павінна быць у тваёй працы, Стас, баявітасці! Усё! Я пайшла!

Выступления Янины в глубинке района были важным направлением в её работе с населением по разъяснению политики партии. «Подкованной» комсомольской молодёжи не хватало комментариев положений отдельных документов, предусматривающих исполнение в практической плоскости. Нахватавшись «вершков» от приезжавших из округа не очень внятных в изложении материала лекторов, заряженная революционным порывом молодёжь воспринимала партийные постановления, решения со свойственным ей максимализмом, претензиями к жизни, людям, миру – вообще. Отчего возникали бескомпромиссные крайности в выборе мер, требований и действий, призванных приблизить поставленные цели по принципу или всё сразу и обязательно сейчас, или ничего!

Тема белорусизации в том виде, в каком она подавалась поселковой и местничковой молодёжи товарищами, приезжавшими из райкома и окружка с толстыми для убедительности портфелями, не всегда отражала её истинное содержание. На официальном уровне считалось, что преобладание в республике белорусского населения, особенно в сельской местности, способствовало росту национального самосознания основной этнической группы – белорусов, подчёркивало её значимость. С этой точкой зрения трудно было не согласиться. Но такой подход в политике ЦК КП (б) БССР вызвал недовольство остальной части населения: русских,

евреев, поляков. Особенно чувствительны к новой ситуации оказались квалифицированные рабочие, служащие, интеллигенция из числа русскоязычного населения и евреев, составляющих основу жителей в городах.

Еврейским бюро ЦК КП (б) БССР по развитию советской еврейской культуры иудейская тема находила поддержку на государственном уровне. В Белоруссии массово открывались еврейские школы, отделения в высших учебных заведениях, образовывались национально-территориальные советы. На этой почве между этническими группами населения возникли противоречия в быту, социальных отношениях, на работе, о которых Янина Адамовна знала не понаслышке. Она видела перегибы в реализации политики белорусизации в республике, переживала и поэтому не отказывалась от выступлений перед молодёжью в сфере, связанной с отношениями между национальными группами, сутью которой являлось определение форм, задач и содержание деятельности государства.

И этот раз исключением не был. Ей хотелось посмотреть одну из еврейских школ, ученики которой заканчивали первый учебный год. В райкоме партии обсуждался образовательный уровень молодёжи, который не отвечал требованиям, необходимым для поступления в вузы и техникумы, его ценз был ниже, чем у сверстников из Витебска. Причин было много: неразвитое образование на местах, запрет еврейской молодёжи в получении религиозного образования, закрытие хедер – еврейских начальных школ, преследование меламедов – учителей, что привело к образовательному вакууму в местах компактного проживания еврейского населения.

Навязывание национальных школ сверху с преподаванием на идиш не обеспечило получения качественного образования, оно оставалось низким, что объяснялось нехваткой квалифицированных специалистов, учебно-методической литературы, убогим состоянием учебных помещений.

В силу вековых традиций и обычаев подавляющее большинство еврейской молодёжи с юного возраста училось в хедере. Меламеды учили читать на иврите, идише, прививали почтение к книгам, уважению к еврейским законам. Обучение начиналось с раннего утра и с перерывом на обед продолжалось до семи-восьми часов вечера. Еврейские дети получали образование с детства, оно прививалось жёсткими требованиями учителей.

Янине Адамовне хотелось на примере одной из еврейских школ изучить процессы образовательной системы, организацию уроков и сделать соответствующие выводы для выработки предложений. Её встретил директор национальной школы Моисей Ицкович Гейман – бывший учитель хедера, человек преклонного возраста, в традиционной одежде из шерсти и шляпе. По-светски раскланявшись с инспектором из района, он приветствовал её почтительной улыбкой мудрого человека.

– Рады видеть вас, Янина Адамовна! Как добрались?

– Мне не привыкать ездить в глубинку, Моисей Ицкович – работа! А вы, я вижу, неплохо устроились: исправное помещение, чистота, порядок!

– А кто это оценит?

– Не прибедняйтесь, Моисей Ицкович, не прибедняйтесь! – улыбнулась Янина Адамовна, – с вашим-то опытом. А дел очень много. Вам не кажется?

– С какими такими делами пожаловали к нам? – насторожился наставник еврейской молодёжи.

– Хотелось бы глубже понять принципы преподавания в вашей школе, методику, перспективы выпускников при поступлении в техникумы, высшие учебные заведения. Не возражаете?

– Разве у меня есть выбор, Янина Адамовна?

– Выбор есть всегда, товарищ Гейман, нужно знать, когда и как им воспользоваться! Не находите, Моисей Ицкович?

– Ну-да, ну-да! – кивнул меламед. – Принципы нашей школы известны с древнейших времён, и мы их не меняем в отношении учеников.

– Насколько я знаю, у вас в хедере имелись проблемы с языком? Имею в виду, что обучение шло на идиш, а молитвы читались на иврите. Так ли это, что ученики младшей группы, заучивая молитвы на иврите, не всегда понимали их смысл и содержание.

Гейман тяжело вздохнул.

– Вы хорошо осведомлены о наших проблемах, Янина Адамовна! Хедеры закрыты, мелаеды запрещены, а ведь они преподавали иврит молодёжи с малолетнего возраста. Трудно, но работаем, – развёл руками иудей.

– Есть ли среди ваших учеников выходцы из мелкобуржуазной среды, сионистских кругов? – осторожно поинтересовалась Акимова.

– Ни боже мой, – воскликнул Гейман, – у нас приличное учреждение, и мы трепетно относимся к нашей репутации.

– Уважаемый Моисей Ицкович, поймите же, что мои вопросы имеют право на жизнь?

У директора опустились плечи.

– Я многое видел в жизни... И желаю нашим детям, чтобы они получали образование в городе, но их семьи не имеют средств на обучение и не принадлежат... Как бы это выразиться?..

– К привилегированному рабочему классу? – усмехнулась Янина Адамовна.

– Я этого не сказал...

– Но подумали?

– Помилуйте, о чём может думать старый еврей?

– Не лукавьте, Моисей Ицкович, если угодно, поясню. В нескольких учебных заведениях национального направления была проведена аттестация студенческой молодёжи, и что вы думаете?

– ?..

– Не осведомлены или...

– Ни то, ни другое... Решение властей принимаю как должное, Янина Адамовна!

– Вот как? – пожал плечами Акимова. – Хорошо, продолжу. В результате проведённой аттестации многие студенты еврейских отделений были отчислены из институтов! Причём, из института учителей для еврейских школ при Белорусском университете. Вам не кажется, что, исходя из реалий сегодняшнего дня, надо внимательней относиться к кандидатам в студенты?

– О, да, конечно, Янина Адамовна, – вдохнул иудей. – Мальчиков всё труднее отдавать в ремесленное производство, торговлю, а кто и работает в этой сфере – задавили налогами. Ох, грехи наши тяжкие.

– Ладно, Моисей Ицкович, согласитесь, что предстоит ещё многое осмыслить! Приглашайте на урок. Не помешаю?

– О чём вы говорите, Янина Адамовна? Что желаете посмотреть?

– Учитывая, что идиш я владею не очень...

– Понимаю! Посетим урок белорусского языка – это здесь!

Директор национальной школы показал на приоткрытую дверь соседней комнаты.

– Уроки белорусской мовы даёт Либа Симоновна. Детям её предмет нравится.

Свыше полутора десятка учеников в широких кепках, расположившись за сколоченными столами, слушали женщину средних лет.

– Продолжайте, продолжайте, – улыбнулась Янина Адамовна, пройдя с директором школы к открытому окну комнатухи.

– Присаживайтесь, товарищи, во втором ряду, – пригласила учительница Акимову и Геймана. – Знаете ли, наши дети не всегда имеют возможность посещать занятия, помогают родителям...

– Ничего, продолжайте, мы с Моисеем Ицковичем послушаем.

Урок продолжался на идиш. Янине Адамовне не составило труда овладеть темой занятий, оценить профессиональную подготовку учителя белорусского языка. Чем дальше учительница вела урок, тем больше нравилась Акимовой. Янина Адамовна обнаружила в ней педагогические навыки в изложении материала, методическую технику, исключавшую непродуктивную трату учебного времени, отведённого на урок.

Понравились ученики. Глазёнки мальчишек 12—13 лет безоговорочно внимали учителю. Янине Адамовне подумалось: «Внимание и послушание учеников не относится ли к одной из 613 заповедей иудеев, которые прививаются в еврейских семьях?». Изношенные рубашонки, рваные штанишки детей вряд ли относили их родителей к мелкобуржуазной среде, где недостаток обнаруживался многими вещами.

– Урок скончаны, – объявила учительница, – ці ёсць да мяне пытанні?

Наставница мовы без смущения смотрела на Акимову, прежде всего, имея в виду, возможные вопросы инспектора районного отдела просвещения.

– Отпускайте детей, Либа Симоновна, если есть время, останьтесь минут на десять. Не возражаете, Моисей Ицкович?

– О, чём вы говорите, Янина Адамовна? Присаживайтесь, Либа Симоновна, мы не задержим вас долго.

Акимова развела руками, показывая тем самым, что получила удовольствие от присутствия на уроке белорусского языка.

– Мне понравилось, как подавался материал. Вне сомнения, вы владеете методикой организации коллективной работы: дети слышат вас, внимают, предмет вызывает интерес. Отсюда и обратная связь: выразительное чтение, чёткое написание на доске, внятные ответы обучаемых. Материал темы занятия усвоен. Добавить нечего, Моисей Ицкович, у ваших мальчиков есть шанс выбиться в люди! Как вы считаете?

– Ваши бы слова, уважаемая Янина Адамовна... Еврей тяжело вздохнул. – Спасибо.

– Не прикидывайтесь, товарищ Гейман – веселей, кому сейчас легко, скажите мне?

– Да-да, понимаю!

– у меня остались хорошие впечатления. Спасибо и счастливо оставаться! Провожать не надо!

Янина Адамовна пошла в клуб. Там уже под руководством Стаса Бурачёнка собирались члены комсомольской организации – ребята и девчата от четырнадцати лет и до возраста молодых людей, имеющих семьи. Тянулись любопытствующие, желающие поучаствовать в работе комсомольцев, приглядывались, оценивали.

Янина Адамовна, не теряя времени на лузганье семечек, решительным образом переломила подсознание четырёх десятков слушателей в нужном направлении.

– Добрый вечер, молодые люди! С кем не знакомы, представляюсь – инструктор отдела районного просвещения Акимова Янина Адамовна. Прошу любить и жаловать! Какие будут предложения по языку общения?

– Давайте на русском! – откликнулись из задних рядов, – мы поступаем в ветеринарный институт – пригодится.

– Возражений нет, товарищи?

– Давайте на всех языках!

– Принимается!

Акимова вышла к трибуне. Из мутного графина плеснула в стакан воды и обратилась к молодёжи.

– Таварышы! Перш за ўсё я хачу, каб усе зразумелі сутнасць ўтрымання палітыкі беларусізацыі, і чаму яна праводзіцца ў нас у рэспубліцы з улікам нацыянальнай спецыфікі. Змест палітыкі беларусізацыі разглядаецца ЦК КП (б) БССР у комплексе мерапрыемстваў, якія развіваюць і распаўсюджваюць беларускую мову, культуру ў рамках рэспублікі, ствараюць нацыянальную сістэму адукацыі, дзе вялікае значэнне надаецца побыце, традыцыям, самабытнасці беларускага народа. Не сакрэт, што праца па гэтых напрамках дзейнасці спрыяюць вылучэнню прадстаўнікоў беларускай нацыянальнасці на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую працу. Заўважу, таварышы, што галоўнымі пытаннямі ліпеньскага (1924) і студзенскага (1925) пленумаў ЦК КП (б) Б былі чарговыя задачы і мерапрыемствы ў нацыянальнай палітыцы. Быў падтрыманы дэвіз «Уся КП (б) Б павінна гаварыць на беларускай мове». Або ёсць іншыя думкі, таварышы?

По залу прошёлся шумок, который, на деле не оставил молодёжь равнодушной к заявлению Янины Адамовны в области развития белорусской темы. «Не резко ли начала, сразу в карьер? – подумалось Акимовой, – а, может, и к лучшему». Выступавший в райкоме партии на 1 Мая товарищ из ЦК республики недвусмысленно заявил: «Политику партии и правительства, товарищи, необходимо проводить в массы смело и решительно. В этом вопросе нет места мелкобуржуазной либеральности».

– Определённо согласен! – улыбнулся подросток.

– Далее, молодой человек, Советы образованы по национально-территориальному признаку с учётом интересов основных национальностей, проживающих на территории БССР. Причём, обратите внимание, большинство белорусов живёт в сельской местности и разговаривает на белорусской мове. Русские и евреи, в силу известных причин, проживают в городах и местечках, общаясь на русском языке. Данный факт учитывается положением о национальных советах и уравнивает права всех слоёв населения республики. Выгодно ли такое положение дел с точки зрения развития белорусской государственности? Не задавались таким вопросом?

– Об этом надо спросить Бенью Соломенского, – выкрикнул кто-то из зала.

– Бенью! – загалдела молодёжь! – Сюда его! Спросим!

– Стоп, стоп! – подняла руку Акимова, – эмоции – не лучший союзник отрядных дел комсомольской организации. Придёт время – спросим и с Соломенского! Сейчас важно вооружиться ленинскими идеями и решениями XIV съезда ВКП (б) об индустриализации, которые развиты постановлениями XV конференции ВКП (б) и пленумов Центрального Комитета! Генеральная линия партии на индустриализацию страны осуществляется курсом экономического строительства. И нам с вами, товарищи, необходимо работать, так, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование из-за межи, превратилась в страну, производящую их. В обстановке капиталистического окружения важно не допустить превращения СССР в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а наоборот – представить его самостоятельной экономической единицей, строящей социализм! Понимаете, товарищи?

Зал молчал. Слышно было, как механик закладывал в аппарат бобину с лентой. После лекции предполагался просмотр художественного фильма. «Сороку-воровку», «Поликушу», «Герасима и Му-му», «Падение династии Романовых» в посёлке уже «крутили». Культурную жизнь глубинки Придвинья Акимова знала не по наслышке, её поразили фильмы: «Броненосец Потемкин», «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Шинель», «С.В.Д.», другие. Сын Вацлав ездил в центр, чтобы там, поругавшись с кинематографическим начальством, выбить новую ленту.

– Подводя первые итоги индустриализации, – продолжала Акимова, – партия отметила достижение показателей довоенного уровня в промышленности. Обновляются основные фонды социалистической индустрии, имеются значительные успехи в электрификации, создании новых отраслей промышленности, в том числе машиностроения, авиапромышленности, химической индустрии. Вот что главное, товарищи комсомольцы и беспартийные! А с Бени

спросим! И последнее к вышесказанному: практика показала, что политическая, хозяйственная, культурная жизнь на территории национальных советов развивается быстрее, чем в других территориальных образованиях. Вот вам и роль национальных общин, реализующих государственную политику в положительной динамике. Таким образом, дорогой товарищ, государство относится ко всем национальностям и языковым культурам в республике, равнозначно уважительно и ваши сомнения на этот счёт не имеют никаких оснований. Удовлетворены ответом?

– Ну, гэта так!

Острый вопрос комсомольца еврейской национальности исходил из его специфики. Перегибы в решении II сессии ЦИК БССР ощущали не только работники райкома и окружкома. Острая тема обсуждалась рабочими, крестьянами, союзной молодёжью. Янина Адамовна понимала, что политика белорусизации способствовала росту национального самосознания основной этнической группы – белорусов, подчёркивала её значимость. Вместе с тем, вызывала сопротивление и недовольство остального населения республики. Особенно чувствительны к новой ситуации оказались квалифицированные рабочие, служащие, интеллигенция из числа еврейского населения. Ей, инструктору райкома партии в проведении политики государства на массы, приходилось изыскивать аргументы, чтобы не снискать себе славы «неподкованного» коммуниста, что обязательно бы отразилось на ей самой и хуже того – муже, партийном руководителе района.

– Вы, як разумею, прадстаўнік яўрэйскай абшчыны і бачыце ў гэтым рашэнні аднабокае становішча рэчаў і зрушэнне акцэнтаў на асноўную – беларускую нацыянальнасць у рэспубліцы... Гэта так?

– Гэта так! У нашай камсамольскай ячэйцы палова членаў яўрэйскай нацыянальнасці! У гэтым няма нічога асаблівага!

– Сапраўды, у гэтым няма нічога асаблівага! Хіба на гербе БССР ня накрэслены лозунг «Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!» на ідыш, разам з беларускай, польскай і рускай мовамі? – прыщуриўшыся, спытала Янина Адамовна.

– Очень благодарен вам за развёрнутый ответ, товарищ Акимова, и всё же по своему вопросу я бы уточнил. Есть очевидные факты, свидетельствующие об использовании еврейского и польского языков в ущерб делопроизводству и заключается оно в неисполнении служащими обращений сельчан.

– Например? – вскинула брови Янина Адамовна.

– Пожалуйста, заявления в сельский совет на идиш и польском языках не принимаются их работниками, бюрократы требуют написания на русском...

– О чём речь? – воскликнула Акимова, – считаю своим долгом проинформировать первого секретаря райкома партии о недопустимости таких явлений. Разберёмся, товарищ, как вас?..

– Эпп, Янина Адамовна! Арон Эпп!

– Хорошо, товарищ Эпп! Мы уже говорили об этом! В БССР все языки равноправные! Не сомневаюсь, что данный вопрос будет изучен оперуполномоченным районного отдела ГПУ. С фактами проявления языкового бескультурья мириться не будем, тем более по данной теме есть циркуляр, предписывающий порядок её исполнения. Ещё вопросы, товарищи?

Янина Адамовна отпила из стакана прогорклой воды и, обведя взглядом зал, спросила:

– Пожалуйста, товарищи!

– Можно? – пискнул девичий голосок.

– Можно, если осторожно! Представьтесь!

– Оксана Пашкевич! – звоним голосом назвалась дивчинка в сарафанчике в горошек.

– Слушаю, Оксана!

– Хочет в комсомол вступить, Янина Адамовна, – шепнул Бурачёнок!

– Неужели? Сколько ей лет?

– Скоро четырнадцать.

– Не наушничай, Стас – не честно! – взвилась девчонка. – Вы его не слушайте, товарищ Акимов, осенью я поставила льна больше, чем он, вот и взелся Бурачёнок на меня!

– Чего несёшь? – рассердился Стас. – Исполнится четырнадцать лет – рассмотрим заявление в ячейке.

– Тише-тише, ребята! – примирительно подняла руку Янина Адамовна, – надо поддержать активную позицию Оксаны в её стремлении вступить в организацию союзной молодёжи. Но имей в виду, Оксана, возраст для вступления в комсомол определён уставом организации, и к этому шагу надо готовиться, изучать документы. В данном случае, Бурачёнок не причём, он прав!

– Причём-причём, Янина Адамовна! Я знаю документы, решения съездов, конференций, а он считает малой меня!

– Хорошо-хорошо! Ответь тогда: на каком мероприятии и когда был создан Российский Коммунистический Союз Молодёжи?

Девушка звонким голосом выдала: Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи был создан на I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодёжи, который прошёл в Москве с 29 октября по 4 ноября 1918 года.

– О-о-о, Стас, все ли комсомольцы знают об этом? – улыбнулась Янина Адамовна.

Комсомольский вожак пожал плечами.

– Мои знают!

– Ну-у-у, посмотрим. Ещё вопрос, Оксана: как с марта текущего года называется комсомольская организация Советского Союза?

Вопрос не смутил боевую дивчинку.

– В связи с образованием в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик, в марте текущего года, Российский Ленинский коммунистический союз молодёжи переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи – ВЛКСМ.

В зале зааплодировали, послышались крики: «Знай наших!».

– Девочка мне нравится, товарищи! – восхитилась Акимов, – зададим ей последний вопрос, не возражаешь, Оксана?

– Задавайте, товарищ Акимов! – согласилась будущая боевая единица комсомола.

– В чём, на твой взгляд, заключается роль Владимира Ильича Ленина в жизни комсомольской организации?

Девочку ничто не могло остановить.

– В 1920 году Владимир Ильич Ленин принял участие в работе III съезда РКСМ, – бойко начала Оксана, – там он выступил с программной речью «Задачи союзов молодёжи». Они же стали основными направлениями в работе комсомольцев страны. На съезде были приняты новая программа и Устав РКСМ, в Уставе сформулирован принцип демократического централизма, а также...

– Достаточно, моя хорошая, достаточно! – Акимов остановила отличницу. – Мне нечего добавить! Умница! Думается, Стас, что бюро поступит правильно, если рассмотрит кандидатуру Оксаны Пашкевич на предмет приёма в ячейку с условием, что юридически её членство в организации начнётся по исполнению четырнадцати лет. В этом случае нет оснований квалифицировать факт нарушения устава ВЛКСМ. Принимается?

– Фу, как гора с плеч, Янина Адамовна, я уж не знал, что и делать с этой пигалицей!

– Стас, ответишь мне! – вскинулась девчонка.

Зал гудел, обсуждая значение комсомольской организации посёлка. Оказывается, сам Ильич, оценив возможности комсомола в строительстве социалистического будущего, определил цели и задачи на десятилетия вперёд! Известие вызвало духовный подъем у молодёжи, изголодавшейся по событиям в стране! Газеты, журналы, брошюры, другая печатная про-

дукция, к сожалению, не обеспечивали население информацией. Лозунги, девизы, речёвки – предостаточно! Однако новость о том, что уже, месяц, как в Советском Союзе строился Днепрогэс, комсомольцы посёлка Марченки не знали. Поэтому их заявления с текстом: «Прошу направить на Днепрогэс... Готов выполнить любое задание Коммунистической Партии и Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодёжи», – они будут писать позднее.

О подготовке переписи населения в стране, завершении подготовки строительства тракторного завода в Сталинграде, смерти Дмитрия Андреевича Фурманова они так же узнали от инспектора райкома партии Янины Адамовны Акимовой. На встречах с людьми Янина обсуждала литературные новинки, журнальные и газетные статьи, которые, зачастую, носили нетерпимый, политизированный характер. Уделяла внимание классическому наследию, тяготевшему к национальной специфике. Поддерживала принципы нового литературного объединения «Узвышша», основателями которого были Бабарэка, Бядуля, Глебка, Дубовка, Крапива, Лужанин, Чёрный.

Выступлениями она сглаживала острые углы авторских обсуждений вопросов быта, культуры, моды, кинематографии. Приближая слушателей к знаниям в гуманитарной сфере, понимание процессов политической и социальной жизни страны, она читала им лекции о месте женщины в социалистическом обществе, её положении в семье. Не уходила от обсуждения вопросов конфессиональной направленности, которые имели серьёзное значение для жителей района. В Городке проживало свыше сорока процентов иудеев, объединённых общинами, католики, православные, мусульмане... Глубинка БССР развивалась!

– Прычым, звярніце ўвагу, таварышы! – падчэркнула Янина Адамовна, – беларускай мовай валодае да 80% служачых цэнтральных дзяржаўных устаноў, што кажа аб тым, што ў нас ёсць усе падставы да росквіту беларускага асветы і культуры. 80% агульнаадукацыйных школ перайшлі на беларускую мову навучання. Партыя надае важнае значэнне ліквідацыі непісьменнасці. У пачатку 20-х гадоў, вы ведаеце, у павеце была створана надзвычайная камісія па ліквідацыі непісьменнасці, дзякуючы якой у вас у мястэчку, суседніх вёсках ўтвораны пункты ліквідацыі непісьменнасці і школы для непісьменных. Каму, як не мне, інспектару аддзела адукацыі райкама партыі, прыемна сказаць вам з гэтай трыбуны аб паспяховым выкананні на месцах і гэтага рашэння Цэнтральнага Камітэта. І ваша камсамольская ячэйка зрабіла не мала для таго, каб скончыць з непісьменнасцю ў мястэчку! Што ты пра гэта скажаш, Стас? Зьвярніся да людзей!

Комсомольский лидер, не ожидавший решительного напора от Акимовой, мял в руках выдавшую виды кепку.

– Да встань же, наконец! По-русски звучит убедительней? – завелась Янина. – Есть ли у комсомольцев разумение, Станислав, что в республике, Советском Союзе в молодёжной политике происходят перемены, и вам, молодым, отводится наипервейшая роль в образовательном процессе?

– У нас есть школа с преподаванием на белорусском языке.

– Есть и еврейская школа, которую не следует отделять от белорусской! Я её сегодня посетила и получила самые приятные впечатления.

– Не об этом речь, Янина Адамовна! На заседании ячейки мы приняли решение о приобщении к школам детей бедноты, правда, хвастаться нечем...

– Не убедили родителей?

Станислав вздохнул.

– Дети вынуждены идти на подённую работу к кулакам и мироедам ... Не до учёбы, одним словом... Комсомольцы ломают хребты на сельских эксплуататоров ... Скажи, Юзик!

– А-а-а, что говорить? Все знают: бацька погіб в гражданскую, у маці нас трое ... Вот и горбатимся на Беню Соломенского – кормит!

– Это не тот ли Бенья, у которого жена – Песя?

– Песя – та ещѐ стерва! Занималась ростовщицеством.

Акимова кивнула. С пассивой Бени Соломенского она встречалась в отделе народного просвещения, куда Песя пришла с упомянутым Бенею просить открытия в местечке хедеры. Соломенский явился в кипе. Акимова сделала ему замечание, объяснив, что атрибут верующих иудеев – кипу, следует носить вне государственных учреждений. На что Песя надменно бросила: «Мой Бенья, любезная, член национального

еврейского совета!».

– Тем более, – заметила Акимова, – уважайте инструкции Центрального комитета партии, это вам пригодится.

Поджав накрашенные бантиком губы, Песя затаила обиду. А зря! Фамилия Соломенский снова всплыла. Тогда ему в райкоме партии объяснили, что открытие хедера противоречит государственной политике в отношении к религиям вообще – опиуму для народа. Отчего начальные религиозные еврейские школы не входят в категорию разрешённых учебных заведений. Соломенский понял, что перечить государству в политической линии опасно для здоровья и можно оказаться на Соловках или строительстве Днепрогэса, где не будет заботливой Песи. Затаился.

Устремления Соломенского были понятны. Ситуация в еврейской среде Западной Белоруссии, отошедшей к Польше по Рижскому договору, демонстрировала усиление в умах евреев протестных явлений. Еврейская «черта оседлости», значительное количество еврейского населения в городах и местечках, становление еврейского рабочего класса, сложное социально-экономическое положение основной массы евреев, их политическое неравноправие, процветавший на государственном уровне антисемитизм повлекли за собой предпосылки к созданию еврейских политических партий и организаций, способных отстаивать их интересы. Все эти веяния, характерные для еврейского населения Западной Белоруссии, переносились через границу на территорию БССР, прорастая в умах «советских евреев» Белоруссии возможностью легализоваться и противопоставить себя государству.

– Добра, я зразумела, таварышы! З кулацкія міродствам будзем змагацца! Не за гарамі той час, калі ва ўсіх вас будуць роўныя магчымасці ў атрыманні адукацыі. Можа хто-небудзь з вас падзяліцца сваім бачаннем ў пазначаным пытанні і мы разам паразважаем над тэмай.

– Можна мне, – подняў руку чэрнявый паренек.

– Калі ласка з месца! Слухаем вас!

– Мне думаецца, што ў палітыцы беларусізацыі Цэнтральны камітэт камуністычнай партыі (большавікоў) БССР хоча бачыць нейкі набор мерапрыемстваў па развіцці беларускай мовы, культуры, вывучэння гісторыі Беларусі, побыту, традыцый ... І ў гэтым, мне здаецца, Яніна Адамаўна, ёсць недагляд з пункту гледжання іншых нацыянальнасцяў, якія пражываюць у рэспубліцы. Да прыкладу, у нас у мястэчку большая частка насельніцтва яўрэйскай нацыянальнасці ...

– Реплика понятна! Слушайте дальше! II сессия ЦИК БССР VI созыва в 1924 году определила практические мероприятия в области осуществления национальной политики. В постановлении сессии от

17 июля отмечено: «С целью более полного обеспечения прав национальных меньшинств в БССР поручить Совнаркому при окончательном определении состава районов и сельсоветов обеспечить возможность выделения местностей с преимущественно еврейским, польским, латышским, литовским и другим населением в самостоятельные административные единицы в случае, если такое выделение не будет резко нарушать основы и системы нового административного деления республики». В порядке реализации соответствующего решения в том же году в республике созданы семь еврейских и два латышских национальных Совета, а спустя год, образованы ещё одиннадцать еврейских, два польских, пять латышских, один немецкий и один русский национальных Совета. Согласны со мной?

Глава 7

Проводив Акимова в район, Рыжов присел на диван. Давило сердце, ныли суставы, застуженные зимой 1914 года в боях с австрийцами за перевалы в Карпатах. Ранения, возраст за шестьдесят давали знать бессонными ночами, требуя внимания врачей. «Некогда! Потом! Закончу с делами и схожу к докторам, – каждый раз обманывал себя Иван Павлович, отодвигая здоровье на потом!

Вчера он был в Минске на расширенном заседании бюро ЦК КП (б) БССР. 1-й секретарь ЦК КП (б) БССР Криницкий Александр Иванович вынес на обсуждение вопросы текущего момента, административного устройства БССР, сворачивания политики НЭПа, безопасности границ с Польшей в связи с захватом власти Юзефом Пилсудским, посевной страды и другие не менее важные в разделе «разное».

– Это ж надо случиться! Государственный переворот в Польше! – сетовал председатель постоянной комиссии БССР по сельскому хозяйству.

Рыжов не помнил его фамилии, но сам, будучи человеком многоопытным, сдержался от комментариев в адрес антисоветчика Пилсудского.

– Жди теперь из Западной Белоруссии провокаций, – не унимался разговорчивый «сельхозник»...

Участники расширенного бюро ЦК не поддержали реплик специалиста по сельскому хозяйству, ожидая в тревоге приглашения в кабинет руководителя республики. Обстановку разрядила секретарь Криницкого – женщина средних лет, в прямом строгом платье, не подчёркивающим женские формы, объявив участникам заседания:

– Прошу, товарищи, шляпы сюда, – указала на вешалку женщина, – Александр Иванович ждёт.

Одноликая масса руководителей разных уровней и направлений в широких пиджаках и брюках, рубашках без воротников, повязанных поясками, парусиновых туфлях двинулась в кабинет руководителя БССР. За огромным Т – образным столом, накрытым зелёным сукном, сидел 1-й секретарь ЦК КП (б) БССР Криницкий. Не из местных, как и Иван Павлович Рыжов, назначенец из Москвы. Человек тридцати двух лет, молодой, с шевелюрой зачёсанных назад волос, тонкими усиками. В 1924 году на этом посту он сменил Александра Николаевича Асаткина-Владимирского и уже полтора года руководил партийной организацией республики. Зарекомендовал себя человеком энергичным, решительным. В короткие сроки разобрался с особенностями белорусского территориального образования, частенько выезжал на места, изучал вопросы землепользования, сдачу земли в аренду, наёмный труд, развитие кооперации. Вникал в вопросы промышленного производства, наличия оборудования, специалистов, оценивал итоги новой экономической политики. Стремился поднять промышленность, сельское хозяйство. Успехи были налицо.

Имелись, правда, вопросы, которые тревожили Александра Ивановича. Они исходили из Москвы, откуда пристально наблюдали за его деятельностью в БССР и время от времени направляли в республику, как объясняли ему из Кремля, партийные кадры проверенных коммунистов – на усиление. Новых людей он вынужден был расставлять на ответственные посты без знания их деловых качеств, организаторских способностей. Они оседали на высоких должностях в ЦК, правительстве, обрастали «своими» людьми, которых истребовали с мест предыдущей деятельности и эффективно информировали Москву по направлениям деятельности.

Эти люди исподволь, за спиной 1-го секретаря ЦК КП (б) БССР, формировали политику, подходы в решении стратегических вопросов, поставляя наверх информацию, выгодную им самим, либо таковую, какую её желали видеть в ЦК ВКП (б) и Кремле. Если что-то выпадало из привычного образа жизни, из наркоматов наезжали комиссии ответственных товарищей

с внушительными портфелями, которые, не особенно церемонясь, убрали, ссылали, садили, назначали, создавая в республике нервную обстановку. Волна наездов из Москвы слухами, домыслами, достигала глубинки, обрастая подробностями, от которых у районного начальства заворачивались воротники.

Сам человек пришлый, тверской, Криницкий прошёл ответственные посты во Владимирском, Саратовском, Московском, Омском, Донецком губернских комитетах РКП (б). Был членом ЦК КП (б) Украины и одновременно кандидатом в члены ЦК РКП (б) – ВКП (б). Он прекрасно понимал, что усиление белорусской партийной организации сверху из Кремля по ключевым партийным постам, отраслям народного хозяйства – воля «Хозяина», Генерального секретаря ЦК ВКП (б).

Кадры решают всё! Звучало весомо! Поставленные цели достигались высоким качеством управления в устойчивом режиме! Товарищ Сталин внимательно следил за общественно-политическими процессами в республике и контролировал их, направляя на руководящую работу партийные, советские и хозяйственные кадры. Этот принцип Александр Иванович усвоил хорошо и надолго!

Собирая бюро ЦК для решения вопросов, которые держались на контроле Москвой, ему хотелось через заместителей и первых секретарей на местах убедиться в правильности выбранного им курса по их решению. Криницкий знал: едва закончится бюро, как его окружение кинется к телефонам информировать Москву о принятых постановлениях по всему спектру рассмотренных тем заседания. Последующий затем его доклад Генеральному секретарю ЦК партии будет прерываться уточняющими моментами с полным знанием дела. Товарищ Сталин знал обо всём, что происходило в республике!

– Прошу садиться, товарищи! – указал на стулья Криницкий. – Орготделу доложить о наличии приглашённых!

– Отсутствует председатель культурно-просветительной комиссии, – растерянно доложил работник кадровой службы, оторвав глаза от списка зарегистрированных участников совещания.

– Что значит – отсутствует, Пётр Мефодьевич?

– Не могу знать, товарищ 1-й секретарь!

Повисла тяжёлая тишина – ненадолго, правда. Дверь кабинета открылась и вошёл молодой человек среднего роста в пенсне, не без манер и внешнего лоска. Он свободно прошёл к Криницкому и, взяв его под локоть, что-то шепнул на ухо. Первый побледнел.

– Не может быть...

– Может, уважаемый, Александр Иванович, может...

И, улыбнувшись участникам заседания, холёный молодой человек поставил точку:

– С кем не встречались, товарищи, к вашим услугам: Пилляр Роман Александрович – Председатель ГПУ БССР и одновременно полномочный представитель ОГПУ при СНК СССР по Западному краю!

Некоторые товарищи онемели. Между тем Ромуальд Людвиг Пиллар фон Пильхау – остзейский немец по происхождению, барон, он же – двоюродный племянник товарища Дзержинского и по совместительству председатель Государственного Политического Управления Белоруссии, поставил в известность Ивана Павловича:

– Товарищ Рыжов, зайдите перед отъездом в Витебск, есть вопросы, обсудим на коротке, – и вышел из кабинета.

Тишина оказалась страшнее взрыва бомбы. Вытерев платочком лоб, 1-й секретарь ЦК компартии Белоруссии выложил:

– Меня проинформировали, товарищи... о раскрытии заговора и связи ряда ответственных работников с польской «двуйкой»... Среди нас оказались враги народа... Э-э-э, председа-

тель культурно-просветительной комиссии товарищ Карнилович... Тьфу! Какой он нам товарищ... Задержан в кабинете председателя ГПУ товарища Пилляра...

Взгляды партийных работников скрестились на Рыжове. «Следующий?». Иван чувствовал, как сердце сдавила боль, занули скулы. «Приехали?». Но тут же вскипел: «Что позволяет себе этот молокосос? Какие враги народа? Ильич употребил это выражение в ноябре 1917 года на заседании Совета Народных Комиссаров в отношении партии кадетов, которая в казачьих областях поднимала контрреволюционные восстания. Какие у нас восстания? Связь с польской разведкой? Уму не постижимо! Я ему выскажу всё!».

– Иван Павлович, вам плохо? – шепнул сосед. – Может, воды?

– Ничего-ничего, обойдусь, – держась за сердце, выдавил Рыжов.

Между тем, Криницкий, придя от первого шока, ударил кулаком по столу.

– Пётр Мефодьевич! Кадрам! Фамилию Карниловича вычеркнуть из списка приглашённых! Изъять её из документов и протоколов заседаний бюро ЦК! Убрать из штатного расписания комиссий! Исполняйте немедленно!

– Слушаюсь, товарищ 1-й секретарь! Разрешите выйти? – прогнулся работник оргкадрового отдела ЦК.

– Идите!

Смахнув пот из-под зачёсанной назад шевелюры, Криницкий, не сдержав эмоций, взорвался:

– Это безобразие, товарищи! Кто ещё не понял текущего момента? Или, может, кто-то из присутствующих разделяет позицию Троцкого и не согласен с теорией товарища Сталина о победе социализма в одной стране? – Криницкий обвёл взглядом членов бюро ЦК партии. – Подумать только! Докатились! Так называемая «Объединённая оппозиция»: Зиновьев, Каменев, Троцкий бросили лозунг: «Перенесём огонь направо – против нэпмана, кулака и бюрократа»? Что это такое, спрашиваю вас?

Криницкий расхохотался, не замечая опущенных глаз партийных руководителей.

– Я объясню популярно: культурно-просветительная комиссия республики съехала «вправо», а товарищ Карнилович... Тьфу, черт! Задержанный Карнилович ничего не сделал, чтобы избежать позора и, я не побоюсь этого слова – предательства, товарищи! Троцким зачитался! И задержан, как враг народа! Это, знаете ли, плохая практика, товарищи, в округах и районах надо удвоить, нет – утроить бдительность! Вы должны смотреть в глаза партийцам и спросить у них: «Ты свой? С нами?». Это не фунт изюму, товарищи... Раз-бе-ри-тесь!

1-й секретарь ЦК коммунистической партии большевиков Белоруссии поднял вверх указательный палец, но объявить повестку заседания бюро не успел – дверь осторожно открылась и в кабинет вошёл... Карнилович.

– Извините, товарищи, – замялся у двери культпросветработник, – товарищ Пилляр задержал в кабинете. Ему, знаете ли, срочно потребовались данные о работе комиссии в текущем году, я доложил ему всё, как есть... И о нашей с вами, Александр Иванович, поездке в западные районы республики – тоже... Роман Александрович остался довольным... Просил извинений за мою задержку...

Гром грянул в кабинете Криницкого не страшным взрывом электрического заряда, а тишиной. Жужжание залетевшей пчелы можно было принять за гул эскадрильи АНТ-2, летевшей во вражеские тылы с полной бомбовой нагрузкой.

– Э-э-э... Понял, товарищ, Карнилович... На заседание бюро?

– Вы пригласили вчера, товарищ 1-й секретарь Центрального комитета, и моя фамилия в списках есть! – удивлённо развёл руками представитель культурного направления деятельности в республике.

– Ага, ну-да! Нич-ч-чего не понимаю! Присаживайтесь.

Отпив из стакана воды, прокашлявшись, Криницкий открыл заседание.

– Уважаемые товарищи! На основании проведённых с членами бюро ЦК партии республики консультаций, предлагаю следующую повестку дня: с докладом об административном устройстве БССР в период 1925 – 1926 годов, если нет возражений, выступлю я. По вопросу сворачивания политики НЭП в республике – тоже прошу предоставить слово мне. В части вопроса безопасности границ с Польшей в связи с государственным переворотом, осуществлённого Пилсудским, слово предоставим уважаемому Роману Александровичу Пилляру – председателю ГПУ БССР. Обещался подойти. Обсудим посевную страду...

Мысль Криницкий не закончил. В кабинет вошёл представитель оргкадрового отдела ЦК Пётр Мефодьевич и бодрым голосом доложил:

– Товарищ 1-й секретарь Центрального комитета партии, ваше поручение выполнено! Фамилия врага народа Карниловича в служебной документации вымарана и изъята из штатного расписания ЦК.

В очередной раз в кабинете партийного руководителя республики тишина разразилась громом среди ясного неба.

– Позвольте, любезный, вы о чём? О каком Карниловиче речь? – беспомощно двигая стулом, поднялся председатель культурно-просветительной комиссии. – Товарищи... Я не совсем понимаю...

Кадровик ЦК, увидевший на заседании живого и невредимого Карниловича, казалось, вот-вот потеряет сознание.

– Э-э-э... Товарищ 1-й секретарь...

– Вон, – зарычал Криницкий, – фамилию вернуть в исходное положение! Немедленно!

– Каким образом, товарищ первый?..

– Вон!

Доклад продолжался. Не менее трети участников заседания бюро ЦК, пережив предынфарктное состояние, едва ли слышали Криницкого. Не был исключением и Иван Павлович. До него издали доносился голос партийного руководителя республики, вещавшего об укрупнении БССР присоединением Гомельской области, ряда районов Псковской... Если Псковской, подумалось ему, значит, Велижского, Себежского, Невильского уездов – к его Витебскому округу. Надо было что-то делать! Решать!

Слова 1-го секретаря ЦК партии с трудом понимались сознанием Рыжова. Он едва разбирал суть присоединения к республике Гомельской области со смешанным составом населения – русско-белорусско-украинским. В одежде, быту, жилищах, – информировал Криницкий, – преобладали белорусские мотивы, однако к усвоению белорусского языка население гомельщины не стремилось. В основном оно было русским, но большая часть трудно определяемой национальности. Александр Иванович известил членов бюро, что белорусский вопрос самостоятельно не назревал и обсуждению во власти не подвергался. Тем не менее, за счёт населения Гомельской области, в состав БССР войдёт шестьсот пятьдесят тысяч человек населения с огромным куском территории.

Что касается присоединения к Витебскому округу трёх районов Псковской области, как понял Рыжов из доклада Криницкого, ЦК ВКП (б) однозначного мнения не имело. Скорее всего, вопрос обсуждения в Москве будет перенесён на более позднее время.

– Иван Павлович, Иван Павлович, может вызвать врача, – очнулся Рыжов от шёпота соседа.

– А? Ничего-ничего... Сердце сдавило! Пройдёт! Бессонная ночь, знаете ли...

– Что у вас, Иван Павлович, плохо? – вмешался Криницкий.

– Всё в порядке, Александр Иванович! Пройдёт!

– Хорошо! Переходим к следующему вопросу.

Криницкий изложил вопрос об итогах в БССР новой экономической политики.

– Уважаемые товарищи! В соответствии с законодательством в республике провозглашена свобода выбора форм землепользования, которая предусматривает создание артелей и частных владений. Это отруба, хутора. Разрешается сдача земли в аренду, использование наёмного труда, поощряется развитие кооперации. Информировать расширенное бюро ЦК партии о выходе на хутора двадцати пяти процентов крестьянских хозяйств. Вы только подумайте: они имеют свыше 76 тысяч плугов, 48 тысяч сох, что позволит обрабатывать 458 тысяч гектаров пахотной земли. Разве это не достижение, товарищи? В копилку наших успехов отнесём и возвращение ржи, овса, ячменя, картофеля, кормовых трав, льна.

Александр Иванович сделал паузу и продолжил доклад.

– К наёмному труду в сельском хозяйстве привлечено 80 тысяч работников. Растёт кооперация! Насчитывается свыше трёх тысяч товариществ: мелиоративных, семеноводческих, машинных, кредитных, других. Потребительской кооперацией охвачено тридцать процентов населения республики. Это, скажу вам, товарищи, наши с вами успехи и достижения! Только вдумайтесь: после разрушительной войны за годы советской власти нам удалось восстановить сельское хозяйство! Мы рапортуем об этом товарищу Сталину! Ура, товарищи!

Члены бюро вскочили и заплодировали стоя!

– Ура, товарищу Сталину! Слава Всесоюзной Коммунистической партии большевиков! – зазвучали здравицы вождю коммунистов страны!

Никто и не заметил, как появился Роман Александрович Пилляр. Снисходительно хлопнув в ладоши, он высокопарно произнёс:

– Великолепно, товарищи! Великолепно! Овации поощряются! Обязательно доложу товарищу Менжинскому! Не сомневаюсь, что и Вячеслав Рудольфович проинформирует товарища Сталина об успехах белорусской партийной организации!

Когда стихли овации и спала эмоциональная истерия членов бюро ЦК, Криницкий, в который раз смахнув липкий пот со лба, подвёл итоги:

– Таким образом, товарищи, НЭП сыграл свою роль! Благодаря новой экономической политике, в республике создана частная, кооперативная и государственная торговля! Частному сектору принадлежит 90 процентов торговых предприятий и 85 процентов оборота. Сложилась сеть кредитных учреждений: Госбанк в Минске и девять его филиалов в окружных центрах. Работает белорусская контора Промбанка, коммерческие и другие специализированные конторы. Индустриализация шагает по стране! Надо смотреть вперёд, товарищи! В кратчайшие сроки построить фундамент социалистической экономики в виде мощной тяжёлой индустрии и крупного общественного сельского хозяйства, ликвидировать технико-экономическую отсталость, обеспечить нашу обороноспособность. Предлагаю, товарищи, эти тезисы вписать в постановление заседания расширенного бюро ЦК партии и через газеты довести до каждого рабочего и крестьянина! Взять под контроль исполнение решения бюро ЦК партии республики. Нет возражений? Секретарь, в протокол! А теперь, товарищи, представляем слово председателю ГПУ БССР товарищу Пилляру Роману Александровичу! Поаплодируем! Поаплодируем!

Главный чекист республики непринуждённо вышел к трибуне и не без претензии на интеллигентность поощрил членов бюро ЦК улыбкой.

– Не буду заострять внимания на текущем моменте, товарищи, ситуация сложная...

Красивым жестом Пилляр налил в стакан воды и выпил, приложив к губам накрахмаленный платочек.

– Под руководством товарища Сталина Коммунистическая партия успешно выполняет решения XIV съезда ВКП (б) по индустриализации страны, укрепляет обороноспособность перед лицом мировой буржуазии. Это внешний враг, который не дремлет, товарищи! Вчера в результате государственного переворота в Польше к власти пришло реакционное правительство во главе с Юзефом Пилсудским. Ярём антисоветчиком! Западная Белоруссия переживает

кризис, где происходят враждебные Советскому Союзу события. Вражескими лазутчиками они переносятся на территорию БССР, и таким образом, товарищи, появляется внутренний враг советского государства! Среди нас! Да-да! Не удивляйтесь!

Не отказывая себе в удовольствии, Председатель ГПУ БССР обвёл присутствующих взглядом и театрально поставил точку, которая у членов бюро ЦК и приглашённых едва не вызвала новую истерику.

– Сегодня ночью органами ГПУ арестована группа лиц еврейской национальности, проводившая антисоветскую пропаганду...

Последовавшая после официального заявления пауза должна была с точки зрения главного чекиста республики пронять партийное руководство до мозга костей, души и сердца. И это получилось. Людям не хватало воздуха.

– Мне хочется сказать, товарищи, что наши друзья из-за межи информируют нас о ситуации в Западной Белоруссии, которая по итогам советско-польской войны в 1919 – 1921 годов, отошла к Польше. На её территории еврейские партии поддерживают идею возрождения польской государственности, связывая с ней надежды на получение для евреев национальной и культурной автономии. Мне думается, для вас не секрет, что еврейские партии представлены в польском сейме. Часть из них: «Сионистская организация в Польше», «Мизрахи», «Всемирная сионистская партия труда», «Союз Израиля» вошли в состав блока национальных меньшинств Польши. Собственные избирательные списки представили «Бунд», «Еврейская народная партия в Польше», в результате чего в польском парламенте сформировалась еврейская фракция, членами которой стали – не поверите – и депутаты Западной Беларуси.

Акценты в еврейском вопросе Роман Александрович Пилляр расставил убедительно и чётко.

– Мы знаем, кто такой господин Пилсудский, – продолжил главный чекист республики. – Целью его политики являются три основных направления: восстановление Польши в исторических границах Речи Посполитой 1772 года, установление контроля над Белоруссией и внимание, – Пилляр опять поднял вверх указательный палец, – Украиной, Литвой и доминирование в Восточной Европе. Вы знаете, товарищи, что после советско-польской войны великодержавная политика польского руководства оживила деятельность еврейских партий. Они активно участвуют в выборах в еврейские гмины, городские советы, проводят агитационную политику среди своего населения, разъясняя ему программные установки.

Председатель ГПУ вышел из-за трибуны, не спеша, прошёлся вдоль стола заседаний и остановился за креслом Ивана Рыжова.

– Не обижая никого из вас, товарищи, я задаю вопрос: всё ли делается на местах, чтобы еврейский компонент не сыграл с нами злую шутку? Разберитесь! Через территориальные органы ГПУ представьте мне списки ответственных работников еврейской национальности, которые, на ваш взгляд, требуют внимания государственного политического управления. И последние, товарищи, – Пилляр снял пенсне, протёр платочком, – не ждите, когда эти списки будет составлять ГПУ.

Улыбнувшись участникам заседания, председатель ГПУ коснулся плеча Рыжова.

– Так я жду вас, Иван Павлович! До свидания, товарищи!

В кабинете Криницкого воцарилась гробовая тишина. Рассмотрение вопроса по льну прошло в вялотекущем режиме. Обсудили основные параметры посевных площадей, особенности взращивания культуры с учётом погодных условий и решили следующее заседание бюро ЦК провести с началом заготовки кормов. На том и разошлись.

Беседа один на один с товарищем Пилляром оставила у Ивана Павловича неприятные впечатления. Внешне контактный Роман Александрович встретил радушно. Распорядился секретарю принести чайку и, судя по тому, что не спешил перейти к делу, у Рыжова сложилось

впечатление, что ГПУ приняло решение по еврейскому вопросу именно из-за положения дел в его Витебском округе. И скорее всего, не ошибся.

– Располагаетесь, Иван Павлович, – широким жестом Пилляр указал на кресло. Сам разместился напротив.

– Давненько не бывал у вас в Придвинье, давненько, уважаемый Иван Павлович, как процветает край?

– Работаем Роман Александрович! Сами знаете, время сейчас – день кормит год.

– Это так! Это так! Не мешают?

– Простите, не понял? – насторожился Рыжов.

– Не мешают, спрашиваю, работать? Случаи саботажа, неповиновения? Кулацкий элемент? Знаете ли, уважаемый Иван Павлович, всякое бывает в суровые времена!

– А-а-а, нет, Роман Александрович, справляемся, – заёрзал в кресле Рыжов.

– Слышал, у вас хорошо идёт лес на вывоз, мясо, промышленность работает, в отличие, кстати, от других округов. С льном, правда, подкачали, не вышли на довоенный уровень... Какие виды в этом году?

– Хлопотное дело – лён, Роман Александрович! Погода подводит, специалистов не хватает. Нарбатываем.

– Угу, угу, а как руководители в районах? Все на местах?

– Вакансии закрыты собственными кадрами. Растим, готовим!

– Похвально-похвально, Иван Павлович, но я имею в виду несколько иное, все ли руководители районов соответствуют занимаемым должностям? Не «отбывают ли номер» по принципу тят-ляп?

– Что вы, Роман Александрович, у меня всё же опыт... Они все перед глазами, вижу насквозь.

– Конечно, вам видней! И все-таки еврейский вопрос, – сделал паузу Пилляр, – в вашем округе беспокоит меня более всего. Мы отслеживаем отток евреев, переселившихся в Витебск в ходе мировой войны из Литвы и Латвии, обратно на прежние места жительства. Тем не менее, вы же знаете, что Еврейская секция Белоруссии сделала Витебск одним из своих центров, а до недавнего времени учредила газету «Дер ройтер штерн». А кто руководит Евсекцией, знаете, Иван Павлович?

– Известное дело! Перешедшие на сторону советской власти деятели Бунда.

– Правильно. И не забывайте, что именно в Витебске проведён показательный процесс против иудаизма, на котором еврейская система начального религиозного образования получила осуждение. Хедеры закрыли! Но опять же, меня информировали, что в Витебске на полулегальном положении работает иешива Хабада – высшее религиозное учебное заведение... Это, как понимать, товарищ Рыжов?

– Признаться, я не осведомлён о деятельности этого учебного заведения, но товарищи из еврейского бюро ЦК партии...

– Так-так, отсюда подробней, Иван Павлович...

Рыжов поделился с председателем ГПУ республики о приездах в Витебский округ представителей еврейского бюро ЦК партии Белоруссии, проявивших небывалую энергию в развитии образования в еврейской общине. Ими была инициирована работа еврейского педагогического техникума в Витебске, коллектива еврейской драмы и комедии при втором государственном театре. Занимались синагогами...

– У вас только в одном Витебске пятьдесят синагог, Иван Павлович! Или вами позабылись судебные процессы над раввинами? Минский «Шохтим-трест»? Кстати, в нём замешан ваш витебский резник! Чего ждёте? – склонился над Рыжовым председатель ГПУ. – У вас в Городокском районе на последних выборах в местные органы власти евреи голосовали –

только за евреев! И вы, уважаемый Иван Павлович, не возразили товарищам из еврейского бюро ЦК? Кокетничали с ними, выходит! Так?

– Вы же знаете, любезный Роман Александрович, товарищи из ЦК, субординация...

– Так-так-так... Засмутились? Я вот что вам скажу... Скоро с ними покончим, и еврейский вопрос отпадёт за ненадобностью дел... Служителей культа – раввинов лишим прав, обложим налогами, конфискуем имущество и поставим в условия публичного отказа от должностей. Понимаете меня?

– Политика партии понятна, Роман Александрович! – выдохнул Рыжов. – Я ради дела большевиков готов жизнью жертвовать!

– Похвально, Иван Павлович! Похвально! Напомните, кто у вас руководит Городокским районом?

Рыжов похолодел! Вот, где зарыта собака! На мушке нагана Пилляра – Акимов!

– Первым секретарём райкома партии избран Милентий Тадеушевич Акимов!

– И справляется?

– Особых претензий нет...

– А не особых, Иван Павлович? Ну-у-у? Не кокетничайте со мной-то, я же не товарищ из еврейского бюро, – хохотнул Пилляр.

Рыжов вздохнул.

– Советской власти предан! Хозяйственник! Разве что либерален к еврейской общине...

– Поддерживает?

– Не то, чтобы поддерживает... Как бы это выразится?

– Благоволит?

– Не-е-ет... У него с евреями получается работать – с пользой! Знает идиш, обычаи, ладит с ними.

– Поэтому в начальниках милиции у него ходит еврей! Одного загнали на лесоповал – мало! Директорами леспромхозов – евреи, в промышленности – евреи! А теперь смотрите, Иван Павлович, что у меня в папочке по Городокскому району. Вот! Докладная записочка от... Фамилию опустим, от работника райисполкома. Читаем: «Кулаки и зажиточные слои Городка раньше недолюбливали Троцкого как еврея, а теперь вопрос о троцкизме хотят использовать в свою пользу. Они говорят, что Троцкий стоит за крестьянство и защиту мужика, за частную собственность и за развитие частной торговли. За это, мол, его и преследуют большевики». Возникает вопрос, Иван Павлович! Кто руководит Городокским районом? Сторонники Троцкого? Зиновьева? Бухарина? Или всё же Акимов – верный партии Ленина-Сталина коммунист?

– ?..

– Нечего сказать? Слушайте дальше, что написано в докладной записочке: «В пределах местечка Марченки циркулирует слух, что весной этого года будет война с Троцким, который сбежал в Сибирь. Сейчас, мол, правительством ведётся подготовка к войне с Троцким и в закрытых вагонах провозят в Сибирь войска и хлеб. Подобные слухи циркулируют и в других местах». Что по этому поводу скажете?

– Мне, Роман Александрович, не понятна связь между разговорами населения о Троцком и Акимовым. Я уверен, что вредных разговоров он не ведёт и не поддерживает подобные настроения. Мы вместе воевали в мировую, после революции поднимали губернию и везде он проявлял характер достойного человека, – уверенно заявил Рыжов. – Вы же знаете, что еврейский вопрос в Белоруссии имеет щекотливый характер и возник он не сегодня. Недавно товарищ Криницкий высказал такой тезис: «Отношение между рабочими и крестьянами есть фактически отношение между еврейскими рабочими и белорусскими крестьянами». Вдумайтесь в пропорцию, не в фразу, а пропорцию!

Пилляр задумчиво кивнул.

– Если я правильно вас понимаю, вы готовы поручиться за Акимова?

– Готов поручиться за Акимова, товарищ Пилляр, иначе бы он не был на районе.

– Резонно! Резонно! А вы уверены, что у него нет связей с еврейскими партиями в Западной Белоруссии, с польской «двуйкой», например? Не задумывались?

– Что вы, товарищ председатель ГПУ? Не способен на это Акимов!

– Сегодня не способен, глядишь, завтра, человек по-иному думает... За вами, бульбашами, нужен глаз да глаз! Не самостоятельные – это хорошо... Но-о-о... Вы ручаетесь за Акимова, Иван Павлович! Распишитесь-ка вот здесь!

– Что это? – привстал Рыжов.

– Сидите-сидите, это гарантия, чтобы мне спалось спокойней! А то, знаете ли, у меня тоже бывает бессонница. Намедни всю ночь в подвале... Знаете ли, допросы, допросы – утомляет! Имейте в виду, что в Западной Беларуси евреи вышли на политическую борьбу, и у них сложились четыре группы партий: консервативные, сионистские, либеральные и радикальные и все они переносят влияние на еврейские общины в БССР. Понятно?

У Рыжова, в который раз за день потемнело в глазах. Ощувив в ушах звон «молоточков», Иван Павлович прикрыл глаза.

– Вам плохо, Иван Павлович? Пожалуйста, воды! – предложил председатель ГПУ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.